

ЖЕНА
ФАРАОНА,
КОТОРУЮ ДОЛЖНЫ
КАЗНИТЬ

МАРГАРИТА ФУАРО

Маргарита Фуаро

**Жена Фараона, которую
должны казнить**

«Литнет»

2026

Фуаро М.

Жена Фараона, которую должны казнить / М. Фуаро — «Литнет»,
2026

Арина Ветрова была врачом. Спасала детей, боролась за каждый вдох - и умерла после самой тяжёлой смены в своей жизни. А очнулась в золотом дворце, на коленях перед троном. Теперь её зовут Неферет-Айя. Она - младшая жена фараона. Женщина, которую весь дворец ненавидит. Женщина, обвинённая в убийстве царского наследника. На рассвете её должны казнить - утопить в священном озере, чтобы вода смыла имя убийцы. Но Арина быстро понимает: мальчик умер не от яда. И когда второй сын фараона начинает задыхаться с теми же страшными признаками, у неё остаётся только один шанс выжить - спасти ребёнка, доказать невиновность Неферет-Айи и раскрыть тайну имени, которое кто-то пытается стереть. Во дворце, где каждая улыбка может быть ловушкой, жрецы говорят от имени богов, а сам фараон считает её убийцей, Арине придётся выбрать: спасти себя или ребёнка, которого уже зовёт смерть. Но мёртвые дети тоже оставляют подсказки. А вода помнит имена тех, кого пытались заставить замолчать.

© Фуаро М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Приговор у трона	5
Глава 2. Ночь до воды	10
Глава 3. Дыши	16
Глава 4. Семь дней для убийцы	22
Глава 5. Лицо чужой женщины	28
Глава 6. Великая жена	34
Глава 7. Отец у двери	40
Глава 8. Дом Лотоса	46
Глава 9. Служанка видит всё	52
Глава 10. Кормилица	59
Глава 11. Тень возле колыбели	65
Глава 12. Перо Маат	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1. Приговор у трона

Сначала я услышала писк монитора.

Тонкий, протяжный, злой. Такой звук бывает в реанимации, когда аппарат уже знает то, во что врач ещё не хочет верить.

Я рванулась вперёд, но руки не слушались.

— Адреналин, — выдохнула я. — Быстро. Ещё раз.

Никто не ответил.

Писк оборвался.

И вместо белого света ламп над операционным столом на меня обрушилось солнце.

Оно было везде. На камне. На стенах. В золотых пластинах под моими ладонями. В чужих глазах, которые смотрели на меня так, будто я уже умерла, только почему-то продолжала дышать.

Я лежала на полу.

Не на больничной плитке. Не на линолеуме приёмного покоя. Под щекой был холодный гладкий камень, отполированный до блеска. От него пахло пылью, маслом и чем-то сладким, удушливым. Миррой? Ладаном?

Я попыталась подняться — и тут же зашипела от боли.

Запястья были связаны.

Тонкая льняная верёвка впилась в кожу так туго, что пальцы покалывало. На мне было что-то лёгкое, почти прозрачное, белая ткань на голом теле. Шея тянула вниз от тяжёлого глиняного украшения или таблички. Волосы липли к спине.

Я моргнула.

Передо мной поднимались ступени. Широкие, белые, залитые солнцем. На верхней стоял трон.

Нет. Не просто трон.

Целая золотая гора с вырезанными крыльями, солнечным диском и двумя каменными львами по бокам.

На троне сидел мужчина.

Он почти не двигался. Даже дышал так, будто и это делал по приказу. Смуглая кожа, прямые плечи, тяжёлый золотой нагрудник, тёмные глаза. Не злые. Хуже. Пустые.

Так смотрят не на человека.

Так смотрят на вещь, которую уже решили убрать.

Я открыла рот, но вместо нормальных слов вышел хрип.

— Где я?..

Шёпот прошёл по залу, как ветер по сухому тростнику.

Только тогда я поняла, сколько вокруг людей.

Жрецы в белых одеждах. Воины с копьями. Женщины в тонком льне и золоте. Слуги у колонн, опустившие глаза. Все они смотрели на меня — и в каждом взгляде было одно и то же.

Ненависть.

Я не понимала, за что.

Высокий худой мужчина с бритой головой сделал шаг вперёд. На его груди лежал золотой диск. Лицо было спокойным, даже мягким. Но от этой мягкости у меня сильнее похолодела спина.

— Неферет-Айя, младшая жена Владыки Двух Земель, — произнёс он, и голос его разнёсся под потолком, — ты стоишь перед троном Раэма-Небхета, Сына Солнца, Живого Сердца Раэна, Хранителя Маат.

Неферет-Айя?

Я дёрнула головой.

— Нет. Меня зовут...

И осеклась.

Меня зовут Арина Ветрова.

Тридцать один год. Детский реаниматолог. Сорок часов без сна. Мальчик на столе. Остановка сердца. Писк монитора.

Я помнила всё.

Но когда я попыталась произнести своё имя, язык будто споткнулся. В горле поднялась сухая боль. Губы сложились иначе, не так, как я хотела.

— Я не...

Кто-то из женщин тихо усмехнулся.

Я повернула голову.

Она стояла справа от трона. Высокая, прямая, безупречная, будто её вырезали из белого камня и только потом научили дышать. На ней был тончайший лён, широкий золотой воротник, браслеты до локтей. Лицо красивое и неподвижное. Только глаза — живые.

И в этих глазах было столько ненависти, что я забыла, как дышать.

— Даже сейчас, — сказала она тихо, но зал услышал, — она играет.

Мужчина с золотым диском слегка склонил голову.

— Великая царская жена Хенут-Небет говорит истину. Обвинённая и прежде пряталась за ложью.

Обвинённая.

Слово ударило сильнее, чем верёвка на руках.

— В чём? — я попыталась подняться на колени. Рядом тут же шагнул воин. Крупный, с шрамом через бровь. Его ладонь легла на рукоять меча. — В чём меня обвиняют?

На этот раз по залу прошёл не шёпот — гул.

Кто-то охнул. Кто-то выругался. Одна из служанок у колонны быстро закрыла рот ладонью и опустила глаза.

Жрец посмотрел на меня почти с жалостью.

— В смерти царского наследника Иари.

Воздух исчез.

Я не сразу поняла смысл слов. Смерть. Наследник. Иари. Ребёнок?

— Нет, — сказала я. — Нет. Я никого не...

— Ты подняла руку не на ребёнка, — продолжил жрец. — На солнечную кровь. На будущее Двух Земель. На Маат.

— Я врач, — вывалось у меня. — Я детей спасаю.

Глупо. Бесплезно. Но это было единственное, что осталось настоящим.

В зале стало так тихо, что я слышала, как где-то за колоннами потрескивает масло в лампе.

Мужчина на троне впервые чуть наклонил голову.

Его взгляд опустился на меня. Медленно. Тяжело.

И почему-то тело — это чужое тело — отозвалось раньше меня. Сердце ударило в грудную клетку так, будто пыталось вырваться. Пальцы похолодели. Внизу живота свело от странной, чужой памяти: страх, гордость, боль, что-то почти похожее на любовь — и сразу ненависть.

Я не знала этого мужчину.

Но тело знало.

— Спасаешь? — спросил он.

Голос был негромкий. Низкий. Без злости.

Именно поэтому стало страшно.

Я сглотнула.

— Да.

Он смотрел на меня ещё несколько мгновений.

— Мой сын мёртв.

Я не нашла ответа.

В больнице я знала, что говорить родителям. Точнее, нас учили. “Мы сделали всё возможное”. “Мне очень жаль”. “Состояние было критическим”. Слова, которые никогда ничего не исправляли, но хотя бы помогали не провалиться в пустоту.

Здесь эти слова не подходили.

Здесь передо мной сидел не отец.

Живой бог.

И он уже решил, что я убила его ребёнка.

Слева от трона вышла женщина в белом. Строгая, сухая, с пером на лбу. Её руки были сложены на груди.

— Маат-Ирия услышала обвинение, — произнесла она. — Сердце Неферет-Айи отягощено смертью наследника. На рассвете её имя будет предано воде. Тело — священному озеру. Память — суду богини.

Я не сразу поняла.

Потом поняла.

Меня казнят.

Не потом. Не после апелляции. Не после нового суда. Не после попытки разобраться.

На рассвете.

— Подождите, — я рванулась вперёд, но воин за спиной ударил древком копья о камень. — Вы не можете. Я не эта женщина. Я не знаю, кто она. Я не знаю, кто вы. Я вообще...

Смех снова прошёл по залу. На этот раз громче.

У колонны я заметила молодую служанку. Совсем девчонка. Она держала кувшин так крепко, что побелели пальцы. На миг наши взгляды встретились. В её глазах был ужас.

Не за меня.

Передо мной.

Она тоже боялась Неферет-Айю.

Я посмотрела вниз.

На свои руки.

Тонкие запястья. Смуглая кожа. Чужие пальцы с аккуратными ногтями. На одном — след от снятого кольца. У большого пальца маленький шрам, которого у меня никогда не было.

Меня замутило.

Это не моё тело.

Не моё.

Я умерла?

Сумасшествие. Кома. Галлюцинация после смены. Мозг дорисовал золотой дворец, фараона, жрецов, казнь. Сейчас я открою глаза — и увижу потолок ординаторской, серую стену, стакан недопитого кофе.

Льняная верёвка врезалась в кожу.

Боль была настоящей.

— Владыка Двух Земель, — сказал жрец с золотым диском, — Птахор-Раэни просит утвердить волю Маат. Пусть вода смывает с царского дома скверну.

Фараон молчал.

Весь зал ждал его слова.

Великая жена Хенут-Небет не сводила с меня глаз. Её губы не улыбались. Но я вдруг поняла: если сейчас меня прикажут утопить, она будет смотреть до конца.

Не отвернётся.

Фараон поднялся.

Все вокруг рухнули ниц.

Я осталась на коленях, потому что не знала, что должна делать. Воин за спиной надавил мне на плечо, заставляя склониться ниже. Лоб почти коснулся камня.

Я видела только его сандалии на верхней ступени. Золотые. С изображением каких-то связанных фигур под подошвами.

— Неферет-Айя, — сказал он.

Тело снова дрогнуло от этого имени.

— За смерть Иари, сына моего, наследника солнечной крови, ты войдёшь в священное озеро на рассвете.

Я закрыла глаза.

Нет.

— Если сердце твоё чисто, Маат примет тебя без боли.

Какая щедрость.

Мне захотелось рассмеяться. Или закричать. Или вцепиться в этот холодный камень ногтями, как будто он мог удержать меня в жизни.

Но я только выдохнула:

— Я не убивала его.

Фараон спустился на одну ступень.

В зале никто не шевелился.

— Ты уже просила милости.

— Я не прошу милости, — голос сорвался. — Я говорю правду.

Он посмотрел на меня.

Теперь ближе.

Я увидела, что его глаза не пустые. Нет. Там было хуже. Там была такая плотная, задавленная боль, что ей некуда было выходить. Она стала льдом.

— Правда, — сказал он, — умерла вместе с моим сыном.

Мне нечем было ответить.

По его жесту воин поднял меня с пола. Ноги подогнулись. Камень под ступнями был горячим, хотя зал казался прохладным. Или это меня трясло.

Меня повели прочь.

Мимо жрецов. Мимо женщин. Мимо служанки с кувшином, которая теперь смотрела в пол. Мимо Великой жены, от которой пахло голубым лотосом и чем-то горьким.

Когда я проходила рядом, Хенут-Небет тихо сказала:

— На рассвете вода будет милосерднее, чем ты была к нему.

Я остановилась.

Воин толкнул меня в спину.

Я хотела обернуться. Хотела сказать, что она ошибается. Что я не знаю её ребёнка, не знаю её мира, не знаю даже лица женщины, которой они все желают смерти.

Но за моей спиной вдруг раздался крик.

Детский.

Резкий, сорванный, полный такого ужаса, что у меня внутри всё оборвалось.

Я замерла.

Сначала слышались быстрые шаги. Потом женский плач. Потом голос мужчины, уже не торжественный, а испуганный:

— Младшему царевичу снова плохо!

Зал дрогнул.

Фараон резко повернул голову.

И я, сама не понимая почему, сделала шаг назад — туда, откуда кричал ребёнок.
Потому что этот звук я знала.
Так кричат не от каприза.
Так кричат, когда не хватает воздуха.

Глава 2. Ночь до воды

Меня не пустили к ребёнку.

Я успела сделать всего два шага назад, туда, откуда донёсся крик, но воин со шрамом перехватил меня за плечо так крепко, что пальцы онемели.

— Стоять.

— Вы не слышите? — Я дёрнулась. — Там ребёнок задыхается!

Он даже не посмотрел в ту сторону.

За моей спиной уже бежали люди. Белые одежды жрецов мелькали между колоннами, кто-то звал врачей, кто-то повторял имя фараона. По залу прокатилась тревога, но меня она не касалась. Для них я была не врачом. Не человеком.

Приговорённой.

— Пустите меня, — сказала я.

Воин наклонился ближе. От него пахло кожей, потом и раскалённой бронзой.

— Ещё слово, младшая жена, и я понесу тебя.

Младшая жена.

От этих слов меня передёрнуло. Я хотела сказать, что я не жена. Не его. Не чья-то. Не эта женщина. Но слова застряли в горле. В этом мире любое моё возражение только подтверждало их ненависть.

Меня вывели из тронного зала боковым проходом.

Солнце било в глаза так ярко, что всё плыло. Белые стены, красные колонны, золотые полосы на полу. Где-то журчала вода. Где-то плакала женщина. А где-то, совсем рядом, всё ещё кашлял ребёнок.

Я знала этот кашель.

Не здесь. Не в этом дворце. В другой жизни.

В реанимации, где пахло спиртом, пластиком и усталостью. Там тоже взрослые иногда молились вместо того, чтобы дышать за ребёнка. Только там у меня были трубки, кислород, мониторы, лекарства.

Здесь у меня были связанные руки и чужое тело.

Меня привели в небольшие покои с низким ложем, каменной скамьёй и узким окном под самым потолком. Дверь закрылась снаружи. Щёлкнул засов.

Я осталась стоять посреди комнаты.

Тихо.

Слишком тихо после зала, приговора, крика.

Я опустила взгляд на свои запястья. Лён впился в кожу. Там уже проступили красные полосы. Я осторожно потянула узел зубами, но только обожгла губу о грубые волокна.

— Госпожа...

Я резко обернулась.

В углу стояла девушка. Молоденькая, почти девочка. Маленькая, тонкая, в простой серой ткани. В руках — медная чаша с водой. Она смотрела не на меня, а куда-то в пол рядом с моими ногами.

Та самая служанка из зала.

— Кто ты? — спросила я.

Девушка вздрогнула так, будто я ударила её.

— Меру, госпожа.

Голос дрожал.

Я выдохнула. Меру. Надо запомнить. В этом мире имена, похоже, значили слишком много.

— Развяжи мне руки, Меру.

Она побледнела.

— Нельзя.

— Они затекли.

— Нельзя, госпожа. Мне приказали только дать воды.

— Кто приказал?

Меру сглотнула.

— Кахем. Начальник царской стражи.

Значит, воин со шрамом — Кахем.

Я медленно села на край ложа. Ноги дрожали. Всё тело дрожало, но я заставила себя не завалиться набок. Стоило мне показать слабость — и эта девочка окончательно решит, что перед ней чудовище, которое просто устало играть.

— Меру, посмотри на меня.

Она не подняла глаз.

— Пожалуйста, — добавила я тише.

Это слово подействовало странно. Девушка вздрогнула сильнее прежнего и всё-таки посмотрела.

В её глазах было столько страха, что мне стало холодно.

— Ты думаешь, я убила мальчика? — спросила я.

Меру сжала чашу так крепко, что вода дрогнула.

— Я не думаю, госпожа.

— Думаешь.

Она молчала.

— Как его звали?

— Наследника?

— Да.

— Иари, госпожа.

Имя прозвучало мягко. Детское. Совсем не похожее на грозные титулы, которыми меня давили в зале.

Иари.

Мёртвый ребёнок.

Я сглотнула.

— Сколько ему было?

Меру отвела взгляд.

— Восемь разливов.

Восемь лет.

Я закрыла глаза.

Восемь.

Передо мной на миг всплыло другое лицо. Бледное, измученное, с прозрачными веками. Мальчик из моей последней смены. Я давила ладонями на его грудную клетку, считала вслух, слышала собственный голос как чужой. Раз. Два. Три. Ещё. Ещё.

Потом монитор запищал ровной линией.

Я открыла глаза.

— А младший? Тот, кто кричал?

— Царевич Сену.

— Что с ним?

Меру испуганно оглянулась на дверь.

— Я не знаю.

— Знаешь.

— Госпожа, мне нельзя говорить.

Я усмехнулась. Коротко, зло, почти беззвучно.

— Меня утром утопят. Думаешь, мне теперь есть дело до того, что кому можно?

Девушка побледнела ещё сильнее.

Я сама услышала, как это прозвучало. Утопят. Как будто речь не обо мне.

Меру поставила чашу на низкий столик и сделала шаг назад.

— Царевич болеет после смерти брата. Иногда ему трудно дышать. Иногда он кричит во сне. Храмовые врачи говорят, что это тень горя.

— Тень горя не душит ребёнка, — вырвалось у меня.

Меру смотрела непонимающе.

Я подошла к чаше, но связанные руки мешали. Пришлось наклониться и пить почти как животное. Вода была тёплая, с привкусом меди и речной тины. Я всё равно пила жадно. Горло горело.

Потом подняла голову и увидела окно.

Узкое, высокое, но от ложа до него можно было дотянуться, если встать на каменную скамью.

— Помоги мне.

— Что?

— Подставь скамью.

— Госпожа...

— Я не собираюсь прыгать. Просто хочу посмотреть.

Меру колебалась. Потом всё-таки подвинула скамью. Я забралась на неё, едва не упала из-за связанных рук, упёрлась плечом в стену и выглянула наружу.

Сначала я увидела двор.

Белый камень. Длинные тени колонн. Несколько пальм. Людей, которые двигались слишком быстро для места, где все, казалось, привыкли к медленным ритуалам.

А дальше — вода.

Большой прямоугольный водоём, гладкий, тёмный, неподвижный. По краям уже ставили чаши с маслом. Белые фигуры жриц раскладывали льняные полотна. Один слуга нёс глиняную табличку на подносе.

Я знала, что это для меня.

На рассвете меня поведут туда.

Свяжут. Назовут чужим именем. Скажут красивые слова о равновесии, правде, богине. Потом опустят под воду.

Я отпрянула от окна так резко, что чуть не упала. Меру успела схватить меня за локоть — и тут же испуганно отпустила, будто прикоснулась к огню.

— Простите, госпожа.

Я села на скамью.

В груди было тесно.

Я не была смелой. Не сейчас. В больнице я могла действовать, потому что там было понятно: вот ребёнок, вот алгоритм, вот время, вот шанс. А здесь у меня не было ничего. Ни имени. Ни друзей. Ни доказательств. Ни даже собственного лица.

— Меру, — сказала я тихо. — Какая она была?

Девушка застыла.

— Кто?

— Неферет-Айя.

Она молчала слишком долго.

— Красивая, — наконец сказала Меру.

— Это я уже поняла.

Меру опустила глаза.

— Гордая. Не прощала обид. Слуги боялись её. Женщины Дома Лотоса... ненавидели.

Она редко кричала. Но если улыбалась, кому-то потом становилось плохо.

Я потрогала пальцами край льняной верёвки.

— А дети?

Меру не ответила.

— Она обижала детей?

— Я не знаю, госпожа.

— Меру.

Девушка подняла на меня глаза. В них блеснули слёзы.

— Я видела, как царевич Иари однажды вышел из её покоев. Он не плакал. Но потом старшая служанка сказала, что я ничего не видела. И я ничего не видела.

Она произнесла это так, будто повторяла чужие слова.

У меня внутри что-то шевельнулось.

— Когда это было?

— До его болезни.

За дверью послышались шаги. Меру тут же отступила к стене, опустив голову.

Засов отодвинули.

Вошёл Кахем.

Вблизи он казался ещё крупнее. Лицо каменное, шрам тянулся от брови к виску. Он посмотрел сначала на Меру, потом на меня, потом на скамью у окна.

— Любовалась водой?

— Проверяла, далеко ли идти.

Он никак не отреагировал.

— На рассвете недалеко.

Меру втянула воздух, но промолчала.

Я поднялась.

— Что с мальчиком?

— Не твоё дело.

— Если он задыхается, это моё дело.

Кахем сделал шаг ближе.

— Ты убила его брата.

— Я никого не убивала.

— Это скажешь воде.

Я подошла к нему настолько близко, насколько позволяла гордость этого чужого тела и страх моего собственного.

— Послушай меня. Я врач. Лекарь. Называй как хочешь. Я слышала его кашель. Это не просто испуг. Не тень, не горе, не проклятие. Если у него приступ повторится, он может умереть.

Кахем смотрел на меня без всякого выражения.

— Всем умирающим ты так говоришь?

Удар попал точно.

Я замолчала.

Потому что да. Почти всем. Всем, кого не успела спасти. Всем детям, чьим родителям говорила: «Мы боремся».

Где-то в глубине дворца снова раздался шум.

Сначала — быстрые шаги.

Потом — женский вскрик.

Потом детский кашель.

Не крик. Именно кашель. Рваный, сухой, с захлёбом. Такой бывает, когда воздух не проходит нормально, когда грудная клетка работает из последних сил.

Я резко повернулась к двери.

Кахем тоже услышал.

По коридору кто-то бежал.

— Позовите Хепу-Сехмета! — кричала женщина. — Быстрее! Царевич синееет!

Я не помню, как оказалась у двери.

— Кахем.

Он молчал.

— Кахем! — Я почти ударила связанными руками по его груди. — Ты можешь ненавидеть меня сколько угодно. Утром утопишь, если захочешь. Но сейчас ребёнок умирает.

Он сжал челюсть.

За дверью снова крикнули. Теперь я услышала имя фараона.

Кахем выругался сквозь зубы на незнакомом языке, схватил меня за локоть и рывком вывел в коридор.

— Если это игра, — сказал он, почти волоча меня за собой, — я сам брошу тебя в озеро до рассвета.

— Если это игра, — выдохнула я, стараясь не упасть, — значит, я сошла с ума окончательно.

Мы почти бежали.

Коридоры мелькали один за другим. Белые стены, золотые узоры, чаши с дымом, испуганные служанки. Где-то на полу рассыпались лепестки лотоса. Кто-то отпрянул от меня с шёпотом: “Нечистая”. Кто-то перекрестил воздух странным знаком.

Мне было всё равно.

Кашель становился ближе.

В покоях наследника стоял густой дым. Такой плотный, что глаза сразу заслезились. В центре комнаты на руках у полной женщины бился маленький мальчик. Худой, с мокрыми волосами, с посиневшими губами. Его грудь дёргалась часто и беспомощно.

Вокруг суетились жрецы. Кто-то пел. Кто-то сыпал порошок в огонь. Старый врач с седой бородой держал чашу с тёмным отваром и пытался поднести её к губам ребёнка.

Я на секунду застыла.

Не от страха.

От узнавания.

Вот оно.

То, ради чего я всё ещё могла двигаться.

Я рванулась вперёд.

— Уберите дым!

Все обернулись.

Старый врач вскинул голову:

— Кто позволил привести её сюда?

Я уже была рядом с ребёнком.

— Откройте окна. Сейчас же.

— Нельзя! — выкрикнул кто-то. — Ритуал очищения...

— Он не проклят, — я наклонилась к мальчику, пытаясь услышать дыхание сквозь гул крови в ушах. — Он задыхается.

Мальчик судорожно втянул воздух и не смог выдохнуть.

Я подняла связанные руки.

— Разрежьте верёвку.

Никто не двинулся.

Тогда я посмотрела на Кахема.

— Разрежь. Или потом объяснишь фараону, почему его сын умер у тебя на глазах.

Кахем выхватил нож.

Лён лопнул на моих запястьях.

Я подхватила маленькое горячее тело из рук женщины, которая вскрикнула и попыталась удержать его.

— Держите голову. Не так. Вот так. Свет сюда. Воду. Чистую ткань. И уберите этот проклятый дым!

За спиной кто-то резко сказал:

— Что здесь происходит?

Этот голос я уже знала.

Фараон стоял в дверях.

А у меня на руках задышался его сын.

Глава 3. Дыши

Фараон стоял в дверях.

В комнате сразу стало тише. Не потому, что тревога прошла. Просто все испугались дышать громко.

А Сену всё ещё задыхался у меня на руках.

Маленькое тело было горячим, мокрым от пота. Рёбра под тонкой кожей ходили часто-часто, губы синели, пальцы вцепились в край моей одежды. Он пытался вдохнуть, но воздух будто застревал где-то внутри.

Я уже не видела ни золота, ни жрецов, ни фараона.

Только ребёнка.

— Окна, — сказала я. — Быстро.

Никто не двинулся.

Я подняла голову.

— Вы все оглохли? Откройте окна!

Седой врач с амулетом львиной богини на груди шагнул ко мне так резко, что его чаша плеснула тёмным отваром.

— Ты не смеешь приказывать в Доме Наследников.

— А вы не смее душить ребёнка дымом.

Он побагровел.

— Это очищение Сехметары!

— Это дым. Ему нечем дышать.

Я повернулась к Кахему.

— Окна.

Он на миг посмотрел на фараона.

Раэм не сказал ни слова.

Но Кахем махнул рукой стражникам. Те бросились к резным ставням. Один за другим узкие проёмы распахнулись, и в комнату ворвался ночной воздух. Тёплый, речной, пахнущий водой и пылью.

Дым начал расходиться.

Сену закашлялся сильнее.

— Не поите его! — Я успела перехватить руку старого врача, когда тот снова потянулся к ребёнку с чашей. — Он захлебнётся.

— Это царский отвар.

— Сейчас ему нужен воздух, а не ваш отвар.

— Нечистая жена не будет учить меня лечить сына фараона!

Я посмотрела на него.

— Тогда лечите. Почему он синеет?

Врач замер.

Я видела таких. Не здесь — там, в моей старой жизни. Умных, опытных, гордых. Иногда они так боялись признать, что не знают, что продолжали делать привычное, даже когда пациент умирал у них на глазах.

— Почему? — повторила я тише. — Если вы знаете, скажите. Если нет — не мешайте.

Он не ответил.

Я опустила Сену на бок, поддерживая голову. Мальчик хрипел. Его грудь поднималась неровно. Я провела ладонью по его лбу, по шее, нащупала пульс. Частый. Слишком частый.

— Ткань. Чистую. Воду. Не этот отвар — воду. И свет сюда.

Женщина, державшая Сену до меня, всхлипнула.

— Мой царевич...

— Как вас зовут? — спросила я, не отрываясь от мальчика.

Она не сразу поняла, что я говорю с ней.

— Сат-Исет.

— Сат-Исет, держите его спину. Вот так. Нет, не прижимайте к себе. Ему нужно место для дыхания.

Она подчинилась. Руки у неё дрожали, но держала она крепко, правильно. Не как придворная. Как женщина, которая много ночей сидела у детской постели.

— Госпожа... — Меру возникла рядом с кувшином и тканью.

Я почти не заметила, как она оказалась здесь.

— Хорошо. Смочи край. Не заливай ему рот.

Сену снова попытался вдохнуть. Горло свело спазмом. Он запрокинул голову, и я увидела у него на шее тонкую синеватую жилку, бешено бьющуюся под кожей.

— Дыши, маленький, — сказала я. — Дыши. Вот так. Слышишь меня? Смотри на меня.

Его глаза метались, мутные от страха и жара.

— Не... — прошептал он.

— Что?

— Не... вода...

Я похолодела.

Священное озеро. Казнь. Вода, которую готовили для меня.

Но он говорил не обо мне. Он бредил.

— Никакой воды, — сказала я. — Только воздух. Ты слышишь? Только воздух.

— Не позволяй ей касаться его! — резко произнёс врач. — Она уже коснулась одного наследника.

Комната будто провалилась в молчание.

Я медленно подняла голову.

Слова ударили сильнее, чем должны были. Потому что касалась. Не Иари — другого мальчика. В другой больнице. В другой жизни. Но итог был тот же: маленькое тело под моими руками и остановившееся сердце.

— Ещё раз скажете это, — тихо произнесла я, — и будете объяснять фараону, почему я потратила время не на его сына, а на вас.

Врач задохнулся от возмущения.

Раэм всё ещё стоял в дверях.

Он не вмешивался.

Смотрел.

На меня. На мои руки. На Сену.

И от этого взгляда у меня между лопатками будто лежал нож. Я понимала: для него я не врач. Я женщина с лицом той, кто якобы убила его старшего сына. Я держала его младшего ребёнка — и он, наверное, сдерживался только потому, что мальчик ещё дышал.

Сену вдруг обмяк.

— Нет, нет, нет, — выдохнула я.

Я быстро проверила дыхание. Поверхностное, слабое. Но есть.

— Свет ближе!

Меру поднесла лампу. Пламя дрожало в её руках.

Я раздвинула ткань у горла мальчика, провела пальцами по груди, по животу. Жар сильный. Кожа горячая, но пальцы...

Я взяла его ладонь.

Пальцы были холодными.

Слишком холодными для такого жара.

Что это?

Инфекция? Судороги? Отравление? Обезвоживание? Дым ухудшил приступ, но не он причина. Не только он.

Сену дёрнулся. Мышцы на руках напряглись, пальцы скрючились. Судорога прошла короткой волной — и отпустила.

— У него такое уже было? — спросила я.

Сат-Исет всхлипнула.

— После смерти брата. Ночами. Иногда он кричит, иногда будто не слышит нас.

— Сколько дней?

Она посмотрела на врача.

Тот молчал.

— Сколько? — повторила я.

— Семь, — прошептала она. — Нет... восемь. С того утра.

С того утра, когда умер Иари.

Я прижала влажную ткань к губам Сену, не давая ему пить, только смачивая.

— Что ему давали?

— Отвары Сехметары, молоко с мёдом, дым очищения...

— Я спрашиваю не молитвы. Что он ел? Пил? Его рвало? Был понос? Судороги были до смерти Иари?

Люди вокруг смотрели на меня как на сумасшедшую.

Слишком много прямых вопросов. Слишком мало почтения к богам.

Старый врач процедил:

— Царевич страдает от тени скорби. Его Ка потрясено.

— Его тело тоже потрясено, — сказала я. — И тело сейчас умрёт первым.

Сену вдруг глубоко, болезненно вдохнул.

Раз.

Ещё раз.

Потом закашлялся — мокро, тяжело, но уже иначе. Воздух пошёл лучше. Синева у губ начала отступать. Он всё ещё горел, всё ещё был слаб, но грудь поднималась ровнее.

Я не сразу поняла, что сама не дышу.

— Вот так, — прошептала я. — Хорошо. Умница. Ещё. Дыши.

Мальчик смотрел на меня огромными тёмными глазами. В них было столько страха, что он казался совсем крошечным. Не наследником. Не солнечной кровью. Просто ребёнком.

— Ты... — губы его дрогнули. — Ты злая?

У меня сжалось горло.

В комнате кто-то тихо ахнул.

Я знала, что он видит. Лицо Неферет-Айи. Женщины, которой его пугали. Женщины, которую обвиняли в смерти его брата.

— Нет, — сказала я. — Сейчас нет.

Почему “сейчас”? Глупость. Надо было сказать просто “нет”. Но я не знала, кем была Неферет-Айя. Не знала, что она делала, кого ранила, кому лгала.

Я могла отвечать только за себя.

Сену моргнул. Потом слабые пальцы сжали моё запястье.

Там, где остался красный след от верёвки.

— Больно? — прошептал он.

Я замерла.

— Уже нет.

Он закрыл глаза.

Сат-Исет тихо заплакала. Без голоса, только плечи задрожали. Меру отвернулась, быстро вытирая лицо рукавом.

Старый врач шагнул ближе, но уже не так уверенно.

— Дай мне осмотреть его.

— Осмотрите, — сказала я. — Только без дыма. И не вливайте ничего, пока он не придёт в себя окончательно.

— Ты забываешься, женщина.

Я устало подняла глаза.

— Я отлично помню, что утром меня должны утопить. Это помогает сосредоточиться.

Кто-то резко втянул воздух.

Раэм наконец вошёл в комнату.

Все склонились. Даже Сат-Исет попыталась опуститься на колени, не выпуская сына фараона из рук, но я удержала её за плечо.

— Не двигайтесь. Пусть лежит спокойно.

Это было сказано кормилице, но прозвучало как приказ при фараоне.

Я поняла это на секунду позже.

Кахем напрягся. Меру побелела.

Раэм остановился рядом.

Так близко я видела его впервые. Не как золотую фигуру на троне, а как мужчину. У него был усталый рот. Тень под глазами. И неподвижность не камня — человека, который слишком долго держал себя в руках.

Он смотрел на Сену.

Не касался.

Только смотрел.

— Он будет жить? — спросил он.

Я ненавидела этот вопрос. В любой реанимации, в любом мире.

— Сейчас — да.

— Сейчас?

— Я не знаю, что с ним. Приступ снялся, но причина осталась.

Старый врач возмущённо выпрямился:

— Владыка Двух Земель, эта женщина не имеет права...

Раэм поднял руку.

Врач замолчал.

Одним движением. Без крика.

Фараон перевёл взгляд на меня.

— Что ты сделала?

В его голосе не было благодарности.

Только холодная необходимость понять, почему мир повёл себя не так, как он решил.

— Убрала то, что мешало ему дышать. Повернула на бок. Не дала захлебнуться. Снизил панику вокруг. Пока всё.

— Пока?

— Если вы хотите, чтобы он пережил следующую ночь, мне нужно наблюдать за ним. Нужна чистая вода. Свежий воздух. Чистая ткань. Нельзя забивать комнату дымом. Нельзя толпиться вокруг постели. И мне нужно знать всё, что было с ним и с Иари до приступов.

На имени старшего сына в комнате будто погас свет.

Раэм изменился не лицом. Лицо осталось тем же.

Но воздух вокруг стал тяжелее.

— Не произноси его имя.

Я устала. Так сильно, что страх на миг отступил.

— Если болезнь Сену похожа на то, что было у Иари, мне придётся произносить его имя. И вам придётся слушать.

Кахем сделал шаг ко мне.

Раэм снова поднял руку.

Тишина стала почти болезненной.

Я вдруг поняла, что стою перед человеком, который меньше часа назад подтвердил мой смертный приговор. А теперь я говорю ему, что он должен делать.

Неферет-Айя, наверное, умела играть с этой границей.

Я — нет.

Я просто не могла смотреть, как умирает ребёнок.

Раэм посмотрел на моё запястье, где кожа была стёрта верёвкой. Потом на Сену, который дышал тише. Потом на чаши с дымящимся углём у стен.

— Все выйдут, — сказал он.

Старый врач резко вскинул голову.

— Владыка...

— Все, кроме Хепу-Сехмета, кормилицы, Кахема и неё.

“Её”.

Даже имени для меня у него не было. Только обвинение в женском теле.

Люди начали выходить. Жрецы уходили неохотно. Один из них прошептал что-то о нечистоте, но под взглядом Кахема ускорился. Меру тоже попятилась к двери.

— Она останется, — сказала я.

Сама не поняла, зачем.

Меру застыла.

Раэм посмотрел на служанку, потом на меня.

— Зачем?

— Мне нужны руки, которые не спорят.

Меру так испугалась, будто я попросила её лечь на алтарь вместо меня.

Раэм чуть заметно кивнул.

Двери закрылись.

Комната стала больше. Тише. Дым медленно вытекал в окна, оставляя после себя горький запах.

Я осторожно уложила Сену на подушки. Сат-Исет села рядом, не сводя с него глаз. Хепу-Сехмет стоял напряжённый, униженный, злой. Кахем — у двери. Меру — у стены, готовая провалиться сквозь камень.

Раэм подошёл к постели.

Сену спал. Лоб блестел от пота, губы уже не были синими. Он выглядел таким маленьким среди золотых тканей, что у меня снова сжало горло.

— Владыка, — тихо сказала Сат-Исет, — он дышит.

Раэм не ответил.

Только его пальцы дрогнули, будто он хотел коснуться сына — и не посмел.

Я увидела это.

И почему-то злость во мне стала тише.

Не исчезла. Нет. Этот человек всё ещё собирался утром утопить меня.

Но сейчас передо мной был не только живой бог.

Передо мной был отец, который боялся собственного ребёнка коснуться, потому что уже потерял одного.

Раэм выпрямился.

— Неферет-Айя.

Чужое имя ударило по мне, как пощёчина.

Я подняла голову.
— На рассвете ты должна была войти в воду.
Сат-Исет тихо всхлипнула. Меру зажала рот ладонью.
Я молчала.
— Казнь откладывается.
Я не сразу поняла.
Слова дошли медленно. Казнь. Откладывается.
Не отменяется.
Откладывается.
— На сколько? — спросила я.
Раэм смотрел на меня так же холодно, как в тронном зале.
Но теперь в его взгляде было что-то ещё.
Не доверие.
Нет.
Сомнение.
— Семь дней.
Старый врач резко повернулся к нему.
— Владыка, это опасно.
— Всё во дворце опасно, Хепу.
Врач замолчал.
Раэм снова посмотрел на меня.
— Семь дней ты будешь рядом с Сену под стражей. Если он поправится, твой приговор будет пересмотрен.
Я выдохнула.
Слишком рано.
— Если он умрёт, — продолжил фараон, — тебя утопят без нового суда. До заката того же дня.
Воздух снова стал тяжёлым.
Я посмотрела на спящего мальчика.
Семь дней.
Семь дней между мной и водой.
Семь дней между Сену и смертью.
Семь дней, чтобы понять болезнь, мир, людей, которые ненавидят моё лицо, и мужчину, который дал мне не милость — отсрочку.
Я медленно кивнула.
— Тогда мне нужна вода. Чистая. И кто-нибудь должен убрать отсюда все курительницы.
Хепу-Сехмет возмущённо вдохнул.
Кахем впервые за всё время едва заметно усмехнулся.
Раэм посмотрел на меня долго. Очень долго.
Потом сказал:
— Дай ей то, что она просит.
И вышел.
А я осталась у постели ребёнка, которого не имела права любить, в теле женщины, которую должны были казнить, и с пониманием, что теперь моя жизнь стоит ровно столько, сколько следующий вдох Сену.

Глава 4. Семь дней для убийцы

Утро началось не с солнца.

С шёпота.

Он полз по коридорам раньше света, просачивался под двери, прятался за занавесями, шуршал в складках льна.

— Она коснулась царевича...

— Нет, не коснулась. Околдовала.

— Фараон оставил её жить.

— Не жить. До семи закатов.

— Если мальчик умрёт, её утопят без суда.

Последнее повторяли чаще всего.

Наверное, чтобы не забыть.

Я сидела у постели Сену и смотрела, как поднимается его грудь. Медленно. Неровно. Но поднимается.

После ночного приступа он спал почти без движения. Лицо оставалось горячим, губы чуть пересохли, под глазами залегли тени. Такой маленький среди резных подушек, золотых тканей и амулетов. Слишком маленький для всех этих слов: наследник, царская кровь, будущее Двух Земель.

Просто ребёнок.

Я коснулась пальцами его лба и тут же убрала руку. Жар не спадал.

— Он снова горит, — прошептала Сат-Исет.

Кормилица сидела с другой стороны ложа. За ночь она будто постарела. Глаза красные, руки сжаты в узел на коленях, но спину держит прямо — как человек, который боится рассыпаться, если позволит себе согнуться.

— Я вижу.

— Вы говорили, воздух поможет.

— Приступу — да. Болезни — нет.

Она вздрогнула от этого слова.

Болезнь.

Здесь его боялись почти так же, как слова “проклятие”. Только проклятие можно отдать жрецам, богам, дыму, ритуалу. Болезнь требовала смотреть на тело. На слабость. На то, что наследник — не символ, а ребёнок с горячей кожей и сбитым дыханием.

Я потёрла ноющие запястья. После верёвок кожа саднила, на правой руке выступила кровь. Меру заметила и тут же подалась вперёд с чистой тканью, но остановилась на полпути.

— Можно, госпожа?

Каждый раз это “госпожа” било по нервам.

— Можно.

Она осторожно обернула ткань вокруг моего запястья. Пальцы у неё дрожали меньше, чем вчера. Уже хорошо.

— Спасибо, — сказала я.

Меру подняла на меня глаза и снова быстро опустила.

Сат-Исет заметила это. Лицо её стало жёстче.

— Слуги не должны принимать благодарность от царской жены.

— Тогда пусть примет от усталой женщины.

Кормилица нахмурилась, но ничего не сказала.

У дверей стоял Кахем. Не сидел, не прислонялся к стене, не расслаблялся ни на миг. За ночь он, кажется, даже не моргнул. Его присутствие было как замок на двери: тяжёлое, железное, неизбежное.

— Меня теперь будут держать здесь? — спросила я, не оборачиваясь.

— Нет.

— Жаль. Здесь хотя бы понятно, зачем я нужна.

— Тебе выделили покои рядом с Домом Наследников, — ответил Кахем. — Под охраной. Ты не выходишь без разрешения. Не говоришь с теми, с кем не велено. Не принимаешь пищу без проверки. Не подходишь к окнам после заката.

Я усмехнулась.

— А дышать можно?

— Пока царевич дышит.

Я посмотрела на него.

Он не шутил.

Меру побледнела. Сат-Исет отвернулась к мальчику.

Я хотела ответить, но дверь распахнулась, и в комнату вошёл Хепу-Сехмет.

После ночи он выглядел так, будто это не он чуть не потерял ребёнка, а его лично оскорбили. Свежая белая одежда, амулет львиной богини на груди, седая борода тщательно приглажена. За ним вошли двое младших врачей с чашами, свёртками трав, курильницей и медной коробкой.

Я встала.

— Курильницу убрать.

Хепу даже не посмотрел на неё.

— Утренний ритуал Сехметары обязателен для царской крови.

— Вчера ваш обязательный ритуал чуть не добил его.

Младшие врачи застыли.

Сат-Исет тихо вдохнула.

Кахем у двери даже не шелохнулся, но я почувствовала: слушает.

Хепу медленно повернулся ко мне.

— Ты получила семь дней не для того, чтобы оскорблять богиню.

— Я оскорбляю не богиню. Я оспариваю дым в комнате ребёнка с проблемами дыхания.

— Его Ка потрясено смертью брата.

— Возможно. Но тело тоже потрясено.

— Тело без Ка — пустая глина.

— А Ка без тела вы собираетесь где держать? В золотой чаше?

Лицо Хепу потемнело.

Меру едва слышно пискнула. Кахем чуть опустил голову, будто скрывая выражение лица.

Не надо было так. Я понимала. Здесь каждое слово могло стать новым обвинением. Но я слишком устала, чтобы улыбаться человеку, который готов был снова заполнить комнату дымом только потому, что так велит ритуал.

Хепу подошёл к постели и проверил пульс Сену. Делал он это умело. Пальцы уверенные, движения точные. Не шарлатан. Не глупец. От этого было сложнее.

— Жар сохраняется, — сказал он.

— Да.

— Пульс слабее, чем должен быть.

— Да.

— Конечности холодные.

— Вот это меня и тревожит.

Он впервые посмотрел на меня не как на грязь под сандалиями. Как на помеху, которая вдруг сказала что-то осмысленное.

— Почему?

— При высокой температуре руки и ноги не должны быть такими холодными постоянно. Нужны наблюдения. Когда начинается приступ, сколько длится, что ему дают до него, что после. Что он ел. Что пил. Был ли такой запах от кожи раньше. Как он спал. Что говорил. Всё.

— Царские дети не подопытные птицы, чтобы записывать каждый вдох.

— В моём мире это называется наблюдение.

— Твой мир? — резко спросил Хепу.

Я замерла.

Ошибка.

Слова вылетели сами.

— Мой... дом, — поправилась я. — Мой прежний дом. Там лечили иначе.

— В южном номе Айет-Ша? — в голосе Хепу прозвучало презрение. — Там женщины лечат песком и шёпотом пустынной богини.

Айет-Ша.

Ещё один осколок чужой жизни. Род Неферет-Айи. Южный ном. Пустыня.

Я запомнила.

— Значит, теперь женщина из Айет-Ша просит чистую воду, свежий воздух и записи, — сказала я. — Странное колдовство, согласна.

Хепу поджал губы.

— Я приготовлю отвар.

— Состав?

Он посмотрел так, будто я попросила у него личное имя.

— Что в отваре? — повторила я. — Травы. Смолы. Молоко. Мёд. Что именно?

— Ты не имеешь права знать храмовые составы.

— Тогда я не имею возможности понять, не ухудшает ли он состояние.

— Ты обвиняешь меня?

Я посмотрела на Сену.

Мальчик во сне сжал пальцы. Очень слабо.

— Я пытаюсь не дать ему умереть.

В комнате стало тихо.

Эта фраза почему-то подействовала сильнее спора.

Хепу отвернулся первым.

— Отвар будет слабым. Без курений.

— Хорошо.

— Но защитный знак над ложем останется.

Я подняла взгляд на пыльный амулет из потемневшей кости, подвешенный прямо над лицом Сену.

— Его надо хотя бы вымыть.

— Это священный знак.

— На нём пыль.

— Пыль храмовая.

— Пыль в лёгких ребёнка всё равно пыль.

Кахем у двери издал странный звук. То ли кашель, то ли подавленный смешок.

Хепу метнул в него взгляд, но спорить больше не стал. Приказал одному из младших врачей снять амулет и протереть чистой тканью.

Маленькая победа.

Глупая, бытовая, почти смешная.

Но в этом мире, где меня собирались утопить на рассвете, даже вымытый амулет казался шагом к жизни.

К полудню меня перевели.

Покои рядом с Домом Наследников оказались больше той вчерашней каменной клетки, но свободой там не пахло. Два стражника у двери. Один под окном во внутреннем дворе. Решётка из резного дерева на проёме. Ложе, низкий стол, чаша с водой, кувшин, сундук без замка.

И никаких украшений.

Наверное, для Неферет-Айи это было унижением.

Для меня — облегчением. Чем меньше золота на чужом теле, тем легче дышать.

Меру вошла следом с ворохом простых тканей.

— Это вам разрешили, госпожа.

— Разрешили? — я взяла один кусок льна. Чистый, грубоватый, без вышивки. — Какая щедрость.

Она замялась.

— Раньше у вас были другие одежды.

— Лучше?

Меру осторожно посмотрела на меня.

— Дороже.

Я почти улыбнулась.

— Значит, эти практичнее.

Девушка будто не знала, как на это отвечать.

Она разложила ткани на сундуке. Потом поставила у стены чашу, в которой плавали какие-то горькие листья.

— Для ваших рук.

— Спасибо.

Слово снова заставило её сбиться с движения.

— Вы... не говорили так раньше.

Я подняла голову.

— Что ещё я не делала раньше?

Меру испугалась, но не убежала. Это тоже было прогрессом.

— Не спрашивали имён. Не смотрели слугам в лицо. Не... — она сглотнула. — Не трогали больных детей.

— А Иари?

Она побледнела.

Я поняла: спросила слишком резко.

— Меру, я должна знать.

— Мне нельзя.

— Мне утром должны были связать руки и утопить. Теперь у меня семь дней. Поверь, “нельзя” звучит не так страшно, как раньше.

Меру подошла к двери, прислушалась. Потом вернулась и сказала почти беззвучно:

— Я видела, как царевич Иари выходил из ваших покоев. До болезни. Он был один. Без наставника. Без кормилицы. Так нельзя.

— Он плакал?

— Нет.

— Боялся?

Она задумалась.

— Не знаю. Он держал что-то в руке. Маленькое. Спрятал, когда увидел меня.

— Что потом?

— Потом старшая служанка сказала, что я ничего не видела. И если меня спросят, я была на кухне.

Тенера. Имя всплыло из рассказов, как камень из мутной воды. Старшая служанка Дома Лотоса. Та, кто знает слишком много.

Я хотела расспросить дальше, но за дверью прозвучал голос Кахема:

— К царевичу.

Не просьба. Приказ.

Я пошла сразу.

Коридор до Дома Наследников был коротким, но за это время я успела услышать достаточно.

— Смотрите, идёт...

— Не называй её, имя нечисто.

— Она спасла мальчика.

— Или привязала к себе.

— Фараон ослеп от горя.

— Вода всё равно ждёт.

Люди замолкали, когда я проходила мимо. Но шёпот догонял меня в спину.

В покоях Сену было тише, чем утром. Без дыма. Без толпы жрецов. У окна стояла Сат-Исет, у ложа — Хепу. Он записывал что-то на тонкой дощечке. Увидев меня, не улыбнулся, но и не выгнал.

— Приступов не было, — сказал он.

— Температура?

— Жар держится.

Я подошла к постели.

Сену лежал на боку, как я и просила. Лицо бледное, ресницы тёмными тенями на щеках. На шее тонкая цепочка с маленьким амулетом в форме глаза. Детская рука лежала поверх одеяла.

Я осторожно проверила лоб, пульс, пальцы.

Всё ещё холодные.

— Сену, — тихо позвала я.

Он не проснулся.

Но губы шевельнулись.

Я наклонилась ближе.

— Что?

Сначала был только слабый выдох.

Потом мальчик прошептал:

— Иари...

Сат-Исет у окна замерла.

Хепу перестал писать.

— Иари говорил... — губы Сену дрогнули. — Что его зовут...

Я почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Кто зовёт, маленький?

Сену открыл глаза.

Не до конца. Только узкая тёмная щель между ресницами.

И прошептал так тихо, что я едва слышала:

— Под пол.

В комнате никто не двигался.

Даже Кахем у двери перестал дышать.

А Сену снова закрыл глаза, будто эти слова забрали у него последние силы.

Я медленно выпрямилась.

Семь дней.

У меня было семь дней, чтобы спасти ребёнка.

И, кажется, понять, почему его мёртвый брат слышал зов из-под пола.

Глава 5. Лицо чужой женщины

В покои меня вернули ближе к ночи.

Я думала, что рухну сразу. На пол, на ложе, на любую ровную поверхность. Тело дрожало от усталости, запястья саднили, в висках стучало. Но стоило двери закрыться, как сон исчез.

В комнате было тихо.

Слишком тихо.

После дыхания Сену, после шёпота в коридорах, после тяжелого взгляда Кахема и упрямого молчания Хепу-Сехмета эта тишина казалась не отдыхом, а ловушкой.

На низком столике горела масляная лампа. Свет был мягким, золотистым. Он ложился на стены, на белую ткань ложа, на чашу с водой, на полированную медную пластину у стены.

Зеркало.

Я заметила его ещё утром, но тогда было не до того.

Теперь оно смотрело на меня тёмным блеском.

Я долго не подходила.

Можно было сделать вид, что это всё ещё сон. Не смотреть — и не знать. Не знать лица женщины, которую ненавидит весь дворец. Не знать, какими глазами на меня смотрит фараон. Не знать, почему служанки вздрагивают от одного моего движения.

Но незнание не спасало.

Я подошла.

В медной пластине отразилась женщина.

Не я.

Она была красивой так, как я никогда не была. Не милой, не усталой, не обычной. Красивой опасно. Смуглая кожа, длинная шея, тёмные глаза с золотистым отблеском, чёрные волосы, тяжело падающие на плечи. Губы полные, чуть надменные даже без улыбки. Скулы тонкие. Подбородок упрямый.

Я подняла руку.

Женщина в зеркале подняла свою.

Я коснулась щеки.

Тёплая кожа. Настоящая.

— Нет, — прошептала я.

Голос тоже был чужой. Низкий, мягкий, с какой-то ленивой хрипотцой. Таким голосом, наверное, удобно говорить ядовитые вещи и заставлять людей ждать продолжения.

Я провела пальцами по шее. Там, где днём висела глиняная табличка с именем, осталась красная полоса. На ключице — маленькая родинка. Ниже — след от тяжёлого украшения, будто золото годами лежало на коже и приучило её к тяжести.

Это тело помнило дворец.

Я — нет.

Я попыталась заправить волосы за ухо и вдруг застыла.

Движение получилось слишком плавным. Не моим. Неуклюжая, уставшая Арина из реанимации так не двигалась. Та Арина завязывала волосы резинкой, пила остывший кофе из бумажного стаканчика и могла уснуть сидя, если выдавалось десять минут.

Эта женщина знала, как повернуть голову, чтобы браслет звякнул правильно.

Только браслетов больше не было.

Я опустила руки.

— Неферет-Айя, — сказала я в пустую комнату.

Тело ответило раньше мысли.

Грудь сжалась. Не от страха. От чего-то резкого, обидного, тёмного. Как будто это имя было не просто именем, а дверью, за которой слишком долго держали крик.

Я отступила от зеркала.

— Кто ты была?

Ответа, конечно, не последовало.

Только лампа тихо треснула.

Я села на край ложа и закрыла лицо руками. Пальцы пахли травами, водой, детским потом и дымом. Запах Сену всё ещё держался на коже.

Жив.

Пока жив.

Я повторила это про себя несколько раз.

Пока жив.

Значит, я тоже.

Пока.

В дверь тихо постучали.

Я резко подняла голову.

— Кто?

— Меру, госпожа.

— Войди.

Девушка вошла с кувшином и свежей тканью. Она всё ещё двигалась осторожно, будто каждый шаг рядом со мной мог стать последним. Но уже не так, как утром. Тогда она боялась даже моего дыхания. Теперь иногда смотрела мне в лицо, пусть и быстро.

— Воду принесли, — сказала она.

— Спасибо.

Меру поставила кувшин и замялась.

— Вам нужно сменить повязку на руках.

Я посмотрела на запястья. Ткань пропиталась розовым.

— Нужно.

Она подошла ближе. Очень медленно. Будто приручала злого зверя.

Я протянула руки.

Меру развязала старую ткань, промыла кожу водой с горькими листьями. Жгло сильно, но я не дёрнулась.

— Больно? — спросила она почти неслышно.

— Терпимо.

— Раньше вы не терпели.

Я подняла на неё глаза.

Меру испугалась своих слов.

— Простите, госпожа. Я не должна была...

— Нет. Говори.

— Нельзя.

— Меру.

Она сжала мокрую ткань.

— Раньше, если игла царапала вам кожу, служанку могли высесть. Если масло было холодным — тоже. Если ткань грубая — виновата прачка. Если благовоние не то — виновата та, кто его принесла.

Я молчала.

Каждая фраза ложилась между мной и Неферет-Айей тяжёлым камнем.

— Она была жестокой?

Меру долго не отвечала.

— Она была... такой, какой нужно быть в Доме Лотоса.

— Это не ответ.

— Это единственный безопасный ответ.

Я почти улыбнулась. Почти.

— Здесь вообще бывают безопасные ответы?

Меру впервые посмотрела на меня прямо. На миг. Очень коротко.

— Нет.

Она снова опустила глаза и стала перевязывать мне запястье. Пальцы у неё были ловкие, аккуратные. На ладони старый ожог. На запястье синяк, почти заживший.

— Это она? — спросила я.

Меру не сразу поняла.

Потом быстро спрятала руку в складках ткани.

— Нет, госпожа.

Ложь.

Я слишком долго работала с родителями, которые пытались улыбаться у детской койки. С детьми, которые говорили “не болит”, когда болело. С коллегами, которые уверяли “я в порядке” после ночи с тремя смертями.

Ложь меняла дыхание.

— Я не накажу тебя.

— Сегодня нет.

Сказано тихо. Без вызова. Просто как факт.

И от этого стало хуже.

Я посмотрела в зеркало. Женщина оттуда смотрела спокойно, почти холодно. Красивое лицо. Лицо, которому не верили. Лицо, которого боялись. Лицо, способное приказать высечь девочку за холодное масло.

— Меру, почему Иари приходил в мои покои?

Руки девушки замерли.

— Я не знаю.

— Ты видела его.

— Один раз.

— Что он держал?

— Не знаю.

— Ты говорила, что что-то маленькое.

Меру побледнела.

— Я не должна была говорить.

— Теперь уже сказала.

Она посмотрела на дверь. Потом на окно. Потом на меня.

— Он держал лодочку.

— Игрушку?

— Маленькую. Деревянную. У него была такая. Царевич сам красил её синей краской. Говорил, что это ладья для путешествий.

— Он часто ко мне приходил?

— Я не знаю.

— Меру.

— Я правда не знаю, госпожа. Дом Лотоса большой. Дети не должны ходить туда без наставника. Если царевич был у вас, значит... значит, кто-то позволил. Или не заметил.

Или он пришёл тайком.

Восьмилетний мальчик, которого все теперь называли наследником, приходил к женщине, обвинённой в его убийстве. Не плакал. Не выглядел испуганным. Держал лодочку.

Зачем?

Я встала и медленно обошла комнату.

Покои были почти пустыми. Слишком пустыми для женщины, которая, по словам Меру, любила золото, ткани, масло, власть. Меня лишили украшений, сундуков, писем, наверное, всего, что могло принадлежать Неферет-Айе.

Но не всего.

Вещи умеют прятаться.

Я осмотрела столик, ножки ложа, внутреннюю сторону сундука. Меру наблюдала с растущим ужасом.

— Что вы ищете?

— Не знаю.

— Госпожа, если стража решит, что вы ищете оружие...

— Связанными руками было бы удобнее, да.

Она не улыбнулась.

Я опустила на колени у ложа. Резное дерево было тёмным, гладким от масла. У изголовья — лотосы, солнечные диски, тонкие линии воды. Красиво. Слишком красиво.

Я провела пальцами по внутренней стороне рамы.

Ничего.

Ещё раз.

На третьем движении ноготь зацепился.

Я замерла.

— Лампу ближе.

Меру не двигалась.

— Меру, лампу.

Она подчинилась.

Свет дрогнул над деревом. Сначала я увидела только царапины. Неровные, грубые, будто кто-то вырезал их в темноте, торопясь, ломая ногти или шпильку.

Не узор.

Знаки.

Я не умела читать местную письменность. Но тело, кажется, умело. Или память Неферет-Айи сохранила достаточно.

Голова заболела сразу, резко. Перед глазами потемнело.

Я коснулась первого знака.

Внутри вспыхнуло: дым. Детский кашель. Синяя краска на пальцах. Чей-то шёпот: “Не здесь”.

Я отдернула руку.

— Госпожа?

— Тихо.

Я снова посмотрела на знаки.

Они складывались медленно. Не в слова моего языка — в смысл. Как будто я не читала, а вспоминала.

Не.

Второй знак.

Яд.

Третий.

Имя.

У меня пересохло во рту.

— Что там? — прошептала Меру.

Я провела пальцами по царапинам ещё раз.

Дерево было шероховатым. В одном месте темнело старое пятно. Может, масло. Может, кровь из сорванного ногтя.

Неферет-Айя оставила это сама.

Не на видном месте. Не для суда. Не для фараона. Для себя? Для того, кто будет искать? Для меня?

Я медленно произнесла:

— Не яд. Имя.

Меру отступила так резко, что чуть не уронила лампу.

— Нельзя, — выдохнула она.

— Что нельзя?

— Такие слова. Про имя. Про царскую кровь. Если услышат...

За дверью послышались шаги.

Мы обе замерли.

Шаги прошли мимо.

Я снова посмотрела на вырезанную фразу.

Не яд.

Имя.

Весь день они говорили об отравлении. О яде. О чашах. О Неферет-Айе, которая якобы убила ребёнка.

Но Иари перед смертью говорил о зове под полом.

У Сену холодели пальцы при жаре.

Вода у его постели темнела.

И прежняя хозяйка моего тела, женщина, которую все считали чудовищем, успела выпарапать в собственной кровати предупреждение.

Я села прямо на пол.

Сердце билось быстро, но страх стал другим.

Не меньше.

Просто рядом с ним появилось направление.

— Меру, кто знает истинные имена царских детей?

Девушка побелела до губ.

— Не спрашивайте.

— Кто?

— Фараон. Мать. Верховный жрец. Хранитель колыбели. Иногда кормилица.

— Неферет-Айя могла знать имя Иари?

— Нет, — сказала Меру слишком быстро. — Младшая жена не имеет права.

Не имеет права — не значит не могла.

Я снова посмотрела на зеркало.

Женщина в отражении стояла на коленях у ложа, с распущенными волосами, перевязанными запястьями и чужим лицом.

Но теперь я впервые увидела в этом лице не только приговор.

Я увидела вопрос.

Кем ты была, Неферет-Айя?

Убийцей?

Или единственной, кто понял, что ребёнок умер не от яда?

Масляная лампа тихо трещала. За окном шумела ночная вода священного озера, которое всё ещё ждало меня.

Я накрыла царапины ладонью.

— Если ты оставила это мне, — прошептала я, сама не зная, к кому обращаюсь, — я найду.

И в глубине груди, там, где ещё недавно откликалась только чужая боль, что-то дрогнуло.
Не голос.
Не воспоминание.
Почти благодарность.
А потом — страх.
Такой сильный, что у меня перехватило дыхание.
Потому что тело знало то, чего я ещё не знала.
За это предупреждение Неферет-Айя умерла.

Глава 6. Великая жена

Утром царапины на раме ложа исчезли.

Не сами, конечно.

Кто-то приходил ночью.

Я поняла это сразу, едва открыла глаза. Лампа выгорела, в комнате пахло холодным маслом и влажным камнем. Меру спала у стены, свернувшись на тонкой циновке, но проснулась от моего движения и тут же села.

— Госпожа?

Я не ответила.

Подошла к ложу, опустилась на колени и провела пальцами по внутренней стороне рамы.

Дерево было гладким.

Слишком гладким.

Там, где вчера ногти Неферет-Айи выцарапали: “Не яд. Имя”, теперь тянулась свежая тёмная полоса масла. Царапины замазали, затёрли, будто их никогда не было.

Меру подбежала ко мне и тоже увидела.

Её губы побелели.

— Я никого не слышала, — прошептала она. — Клянусь, госпожа, я спала у двери. Я бы услышала.

— Значит, здесь есть другой вход.

Она испуганно оглянулась на стены.

Я медленно поднялась.

Страх стал холоднее. Вчера я нашла первую подсказку. Сегодня кто-то уже знал, что я её нашла.

Или следил за ней давно.

— Меру, кто мог входить сюда без стражи?

— Старшая служанка. Кахем. Люди фараона. Люди Великой жены. Храмовые, если есть печать.

— То есть все, кроме меня.

Меру опустила глаза.

В дверь постучали.

Не резко, не по-солдатски. Два мягких удара костяшками. Так стучат не те, кто просит войти, а те, кто напоминает: дверь всё равно откроется.

Меру побежала к двери, но я остановила её жестом.

— Кто?

Снаружи ответил женский голос:

— Госпожа Лотоса желает видеть младшую жену.

Меру тихо ахнула.

— Сейчас?

— Сейчас, — повторил голос. — Пока солнце ещё милостиво.

Я посмотрела на замазанную раму.

Понятно.

Если меня зовёт Великая жена, значит, ночь была не случайной.

— Помоги мне одеться.

Меру метнулась к сундуку и достала простое белое платье. Без вышивки. Без золота. Без пояса с бусинами. Одежда женщины, которую ещё не казнили, но уже лишили права быть красивой.

— Это всё, что разрешили, — сказала она.

— Прекрасно.

— Нет, госпожа, это... — Меру запнулась. — Это унижение.

Я провела рукой по грубому льну.

— Зато удобно бежать.

Она побледнела так сильно, что я пожалела о шутке.

— Я не побегу, — добавила тише. — Пока.

Снаружи меня ждал Кахем. Он окинул меня быстрым взглядом, заметил повязки на запястьях, потом — Меру за моей спиной.

— Служанка останется.

— Нет, — сказала я.

Он поднял бровь.

— Ты не выбираешь.

— Тогда передайте Великой жене, что младшая жена явилась без служанки, потому что начальник стражи решил, будто знает правила Дома Лотоса лучше неё.

Кахем посмотрел на меня долго.

Потом хмыкнул.

— Однажды твой язык всё-таки доберётся до озера раньше тебя.

— Зато без сопровождения ему будет скучно.

Меру за моей спиной едва слышно втянула воздух.

Кахем махнул рукой.

— Идём.

Мы шли по коридорам, где каждый встречный успевал замолчать прежде, чем я проходила мимо. Шёпот стал осторожнее, но не исчез. Я слышала его спиной.

— Она идёт к Великой...

— Хенут не простит...

— Фараон дал ей семь дней, но Дом Лотоса помнит дольше...

Дом Лотоса.

Я видела его впервые.

Сначала — запах. Сладкий, густой, почти липкий: лотос, масло, мёд, нагретые ткани. Потом — свет. Он был мягче, чем в тронных залах, просеянный через тонкие занавеси. Потом — вода в неглубоких бассейнах, лепестки на поверхности, узкие дорожки, белые колонны, женские силуэты за полупрозрачными тканями.

Красиво.

И страшно.

В тронном зале власть давила золотом и копьями. Здесь — взглядом, молчанием, поворотом головы.

Женщины смотрели на меня из-за занавесей. Кто-то прятал улыбку. Кто-то делал знак от скверны. Одна совсем юная девушка уронила поднос с гранатами, когда я повернула к ней лицо.

Меру шла почти вплотную ко мне. Я чувствовала, как она дрожит.

— Не бойся, — сказала я тихо.

— Я не за себя, госпожа.

Вот как.

Меня провели в сад.

Сад Ночных Лотосов даже днём казался сумеречным. Высокие стены закрывали его от прямого солнца. В узком бассейне плавали тёмные листья, над водой поднимались бледные цветы. В тени сидела Хенут-Небет.

Великая жена не поднялась.

Ей и не нужно было.

Она была в белом и золоте, безупречная, спокойная. На запястьях тонкие браслеты, на шее широкий воротник с синими камнями. Возле неё стояли две служанки. У одной на руке я заметила синюю ленту с вышитым золотым глазом.

Я запомнила.

Хенут указала на место напротив.

— Сядь, Неферет-Айя.

Чужое имя снова отозвалось внутри неприятным уколом.

Я села.

Кажем остался у входа в сад. Меру — позади меня. Служанка с синей лентой наливала напиток в тонкие чаши. От жидкости пахло лотосом и чем-то горьким.

— Ты плохо выглядишь, — сказала Хенут.

— Трудная ночь.

— Убийцам часто тяжело спится перед водой.

Я взяла чашу, но пить не стала.

— А матерям?

В саду стало тихо.

Меру за моей спиной перестала дышать.

Хенут посмотрела на меня.

Вчера в тронном зале она была ледяной. Сейчас — ещё спокойнее. Но именно это спокойствие было опасным. В её глазах не было вспышки гнева. Только холодный расчёт: куда ударить, чтобы больнее.

— Ты стала смелее после отсрочки.

— Нет. Просто поняла, что молчание всё равно не спасает.

— Молчание спасает чаще, чем правда.

— Не детей.

Её пальцы на чаше чуть сжались.

Почти незаметно.

— Не произноси это слово рядом со мной так, будто оно тебе принадлежит.

Я поставила чашу на столик.

— Какое?

— Дети.

Ветер шевельнул лотосы на воде.

Я смотрела на неё и впервые по-настоящему видела не Великую жену. Не опасную красавицу. Не женщину, которая хочет моей смерти.

Мать.

Или ту, у кого забрали ребёнка настолько жестоко, что ей понадобился виновный, чтобы не сойти с ума.

— Иари был вашим сыном? — спросила я.

Хенут улыбнулась.

Очень медленно.

— Как любопытно. Вчера ты не помнила своего преступления. Сегодня — не помнишь, чьего ребёнка убила.

— Я не убивала его.

— Разумеется. — Она чуть наклонила голову. — Ты никогда ничего не делала прямо.

В этом и была твоя прелесть.

Слово “прелесть” прозвучало как “грязь”.

Я заставила себя не отвести взгляд.

— Что вы хотите от меня?

- Посмотреть.
- На что?
- Осталась ли ты прежней.

Служанка с синей лентой поставила перед Хенут блюдо с тонкими ломтями фруктов и отступила. Её рука дрожала. Лента на запястье была чистая, новая, с вышитым глазом из золотой нити.

Я снова посмотрела на неё.

Хенут заметила.

— Нравится?

— Лента?

— Цвет. Синий защищает царскую кровь.

— От чего?

— От дурного глаза. От зависти. От женщин, которые хотят большего, чем им дали.

— И защищает?

— Нет, — сказала Хенут. — Как видишь, нет.

Она взяла ломтик граната, но не съела.

— На похоронах Иари ты улыбалась.

Я молчала.

Внутри что-то дёрнулось. Не моё. Чужое. Лёгкое жжение под рёбрами, как от старой пощёчины.

— Я этого не помню.

— Удобно.

— Да. Очень удобно проснуться с чужой виной и приговором на шее.

Её глаза чуть сузились.

— Чужой?

Ошибка.

Я почувствовала, как Меру за моей спиной сжала ткань моего платья.

— Виной, которую мне приписывают, — поправилась я.

Хенут поставила чашу.

— Неферет-Айя, ты всегда была умнее. Раньше твоя ложь была тоньше.

— Возможно, я устала.

— От чего?

Я посмотрела прямо на неё.

— От смерти.

Хенут не ответила сразу.

В саду капала вода. Где-то за стеной рассмеялась женщина, но смех быстро оборвался.

— Смерть утомляет только тех, кто не умеет извлекать из неё пользу, — сказала Хенут наконец.

— А вы умеете?

Её улыбка исчезла.

На одно мгновение.

И в этом мгновении я увидела страшное: она не просто ненавидит меня. Она держится за эту ненависть, как за край пропасти. Если отпустит, останется только пустота.

— Ты пришла сюда с новым лицом, — тихо сказала она.

— Лицо то же.

— Нет. Раньше ты смотрела так, будто считала всех нас фигурами на доске. Теперь смотришь так, будто впервые увидела кровь на собственных руках.

Я не нашла, что ответить.

Потому что она попала слишком близко.

Хенут наклонилась ко мне. От неё пахло лотосом, золотом и горечью напитка.

— Я не знаю, какую игру ты начала. Не знаю, зачем спасла Сену. Чтобы купить себе время? Чтобы заставить фараона сомневаться? Чтобы снова вползти в его тень?

— Я спасла его, потому что он задыхался.

— Как просто.

— Да.

— Простота тебе не идёт.

— Зато помогает, когда ребёнок синееет.

Хенут ударила ладонью по столику.

Чаша подпрыгнула. Меру вздрогнула. Служанки у стены опустили головы.

А Великая жена тут же снова стала спокойной.

— Не смей, — сказала она мягко. — Не смей говорить о детях так, будто одно доброе действие смыло то, что ты сделала.

— А если я не делала?

Она посмотрела на меня, и я впервые увидела в её глазах не только ненависть, но и страх. Страх, что я могу оказаться права.

— Тогда мир устроен ещё хуже, чем я думала, — сказала она.

На мгновение между нами повисло что-то почти честное.

Потом Хенут откинулась на спинку сиденья.

— Семь дней — щедрый дар.

Я молчала.

Она взяла чашу и наконец отпила.

— Некоторые дети не получили и этого.

Фраза вошла тихо. Без крика. Без угрозы.

И от этого стала страшнее.

Я поднялась.

— Я должна вернуться к Сену.

— Конечно. Спасай его. Лечи. Спорь с врачами. Требуй воду, ткань, воздух. Будь полезной. Полезных казнят не сразу.

Я задержала взгляд на служанке с синей лентой.

— А бесполезных?

Хенут улыбнулась.

— Бесполезных не казнят, Неферет-Айя. Их просто перестают замечать.

Я пошла к выходу.

Кахем отступил, пропуская меня. Меру почти бежала следом. Уже у самой арки я обернулась.

Хенут сидела неподвижно, будто весь разговор ей наскучил. Служанка с синей лентой наклонилась к ней, чтобы что-то прошептать.

И тогда я увидела на внутренней стороне её запястья маленькое тёмное пятно.

Не родинку.

След ожога в форме глаза.

Точно такой же знак был вышит на ленте.

Служанка почувствовала мой взгляд и резко спрятала руку в складках одежды.

Хенут тоже посмотрела на неё.

Потом на меня.

И улыбнулась.

Медленно.

Очень спокойно.

Я вышла из сада с одной мыслью: синяя лента — не просто украшение.

А значит, смерть Иари была ближе к Дому Лотоса, чем мне хотелось думать.

Глава 7. Отец у двери

К вечеру Сену стало легче.

Не хорошо. До “хорошо” было далеко. Но легче.

Жар держался, дыхание оставалось неровным, пальцы всё ещё холодели, когда он засыпал слишком глубоко. Но приступов не было. Он даже выпил несколько глотков воды с мёдом и не выплюнул лекарство Хепу-Сехмету в лицо, хотя, судя по взгляду, очень хотел.

Это я сочла добрым знаком.

Хепу — дурным воспитанием.

— Царевич должен принимать отвар без капризов, — проворчал он, убирая чашу.

Сену отвернулся к стене.

— Он ребёнок с температурой, а не маленький жрец на экзамене, — сказала я.

— Царская кровь не отменяет послушания.

— Зато жар отменяет аппетит, терпение и любовь к горькой траве.

Хепу посмотрел на меня так, будто снова пожалел, что меня не утопили утром. Но спорить не стал. За день мы оба устали настолько, что сил хватало только на главное.

А главным был Сену.

Меру к вечеру уже знала, где должны стоять чистые чаши, какую ткань смачивать, когда открывать окно, когда звать меня, а когда лучше молчать. Сат-Исет перестала вырывать у меня из рук каждую ложку, хотя всё ещё следила за мной так, будто я могла в любой момент прерваться в змею.

Кахем сменил двух стражников у двери, но сам остался.

— Вы вообще спите? — спросила я, когда он в третий раз проверил коридор.

— Когда во дворце нет убийц.

— То есть никогда?

Он посмотрел на меня.

— Ты быстро учишься.

В другое время я бы, наверное, улыбнулась. Но ночь уже поднималась за окнами. В дворцовых коридорах стихали шаги, лампы становились ярче, тени — длиннее. И чем тише делалось вокруг, тем сильнее я чувствовала: этот мир ночью не спит. Он просто перестаёт притворяться безопасным.

Сену задремал ближе к полуночи.

Сат-Исет устроилась у его ног. Меру сидела у стены с чистыми тканями на коленях. Хепу ушёл за новым отваром, недовольно приказав мне не “трогать царевича без нужды”, будто я весь день делала это ради развлечения.

Я стояла у окна и смотрела на тёмный двор.

Отсюда не было видно священного озера, но я знала: оно рядом. Вода ждала. Не сегодня — значит, через семь дней. Или раньше, если Сену станет хуже.

Я потеряла запястья. Повязки уже сменили дважды, но следы верёвки всё равно горели.

— Неферет-Айя.

Я обернулась.

Раэм стоял в дверях.

Не в полном золоте, как в тронном зале. Без короны. Без тяжёлого нагрудника. В простой белой одежде, с широким золотым браслетом на предплечье и знаком солнца у горла. Но даже так комната будто стала меньше.

Меру тут же опустилась на колени. Сат-Исет вскочила, низко склонив голову. Кахем выпрямился у стены.

Я не поклонилась.
Не из дерзости. Просто на секунду забыла, что должна.
Раэм заметил.
Конечно, заметил.
Но ничего не сказал.
Его взгляд прошёл мимо меня — к ложу.
Сену спал, свернувшись на боку. Лицо маленькое, бледное, ресницы дрожат. Рука поверх одеяла сжата в кулак.
Фараон не вошёл дальше порога.
Он остановился там, где кончался свет от коридорной лампы.
— Как он?
— Дышит ровнее, — сказала я. — Жар пока не спадает. Приступов после полудня не было.
— Это хорошо?
— Это лучше, чем утром.
Он принял ответ молча.
Я ждала, что он подойдёт к сыну.
Он не подошёл.
Смотрел на него издалека, как на священную статую, к которой нельзя прикасаться без ритуала. Или как на рану, которую страшно задеть, потому что снова хлынет кровь.
Сену тихо всхлипнул во сне.
Раэм едва заметно напрягся.
Но остался у двери.
И почему-то именно это меня разозлило.
Не его приговор. Не холодный взгляд. Не “если он умрёт — тебя утопят”. Всё это было страшно, но понятно. А вот это — отец, стоящий в трёх шагах от больного ребёнка и не решающийся сесть рядом, — я выдержать не смогла.
— Вы можете подойти.
Комната застыла.
Кахем медленно повернул голову ко мне. Меру даже дышать перестала.
Раэм посмотрел на меня.
— Мне не требуется разрешение.
— Тогда тем более.
Сат-Исет закрыла глаза, будто решила заранее помолиться за мою душу.
Раэм сделал шаг.
Один.
И снова остановился.
— Он спит.
— Дети чувствуют, когда рядом свои.
— Он не должен просыпаться.
— Он и не проснётся, если вы не будете стоять у двери так, будто пришли объявить новый приговор.
Тишина стала острой.
Кахем тихо произнёс:
— Госпожа...
Предупреждение.
Я услышала. Но было поздно.
Раэм медленно повернулся ко мне всем корпусом.
— Ты забываешь, с кем говоришь.

— Нет. В этом дворце мне об этом напоминают каждые десять шагов.

— Тогда говори осторожнее.

— А вы подойдите ближе.

Его лицо не изменилось. Вообще. Но в глазах стало темнее.

— У тебя нет права учить меня.

— Как фараона — нет. Как отца — не знаю.

Это прозвучало слишком резко.

Я сама это поняла.

Но перед глазами стоял не он. Сену. Маленькая рука, тянущаяся во сне к пустоте. И другой мальчик из моей прошлой жизни, чья мать успела только спросить: “Он понял, что я была рядом?”

Раэм шагнул ко мне.

Медленно.

Кахем напрягся, но не вмешался.

— Ты думаешь, одно спасённое дыхание дало тебе право говорить о моём сыне?

— Нет.

— Тогда?

— Я думаю, что смерть одного ребёнка не должна превращать второго в жертву вашего страха.

Слова сорвались сами.

И ударили точно.

Я увидела это не по лицу — лицо осталось каменным. По руке. Пальцы Раэма дрогнули и сжались, будто он удержал себя от удара. Или от чего-то хуже — от правды.

Сат-Исет тихо всхлипнула.

Меру опустила голову почти до пола.

Я вдруг поняла, что зашла слишком далеко.

Этот человек мог приказать вывести меня немедленно. Мог отменить отсрочку. Мог решить, что я опасна не только для Сену, но и для него самого.

Но Раэм молчал.

Потом сказал очень тихо:

— Ты не знала Иари.

В этом голосе не было угрозы.

Только боль.

И от этого мне стало стыдно.

— Нет, — сказала я. — Не знала.

— Тогда не говори о том, чего не понимаешь.

— Я понимаю больного ребёнка, который просыпается и спрашивает, злой он или нет. Понимаю, когда ребёнок боится воды. Понимаю, когда он хватает воздух так, будто кто-то держит его за горло. Этого достаточно, чтобы подойти ближе.

Раэм посмотрел на Сену.

Долго.

Потом наконец прошёл к ложу.

Каждый в комнате будто выдохнул, но никто не посмел сделать это вслух.

Он сел не сразу. Сначала стоял рядом, глядя на мальчика сверху вниз. Потом медленно опустился на край ложа.

Сену пошевелился.

Маленькие пальцы разжались.

Раэм протянул руку — и остановился в воздухе.

Я не сказала ни слова.

Он сам должен был.
Прошла секунда. Другая.
Потом фараон коснулся сына.
Очень осторожно. Кончиками пальцев — лба, волос, виска. Так, будто ребёнок мог рассыпаться от прикосновения.
Сену вздохнул.
— Папа... — прошептал он во сне.
Слово было тихим. Почти невнятным.
Но в комнате оно прозвучало громче всех титулов Раэма.
Фараон застыл.
Я отвернулась к чашам, чтобы не смотреть. Это было слишком личное. Даже для меня, даже сейчас.
Но Сену вдруг открыл глаза.
Мутные от сна и жара. Несколько мгновений он не понимал, где находится. Потом увидел отца. Потом меня.
И лицо его исказилось страхом.
— Нет...
Он попытался отодвинуться, но сил не было. Сат-Исет подалась к нему, но Раэм уже положил руку ему на плечо.
— Тихо, Сену.
Мальчик смотрел на меня.
— Она... — губы его задрожали. — Она убила Иари.
Сат-Исет закрыла рот рукой.
Меру опустила голову.
Я не двинулась.
Вот оно.
Не придворная ненависть. Не жреческие обвинения. Не холод Хенут.
Детский страх.
Он был хуже всего.
Я села на корточки у изножья ложа, чтобы быть ниже его взгляда.
— Тебе так сказали?
Сену прижался к руке отца.
— Все знают.
— Все иногда ошибаются.
Раэм посмотрел на меня.
Я почувствовала этот взгляд, но не отвела глаз от мальчика.
— Я не буду тебя трогать, если ты не хочешь, — сказала я. — Но если тебе снова станет трудно дышать, я помогу. Даже если ты будешь злиться. Даже если будешь бояться.
Сену моргнул. Слезы скатились к виску.
— Иари тоже боялся.
— Чего?
Он открыл рот, но вместо ответа закашлялся.
Я сразу поднялась.
— На бок. Быстро.
Раэм хотел отстраниться, но я резко сказала:
— Нет, держите его. Вот так. Не давите на грудь.
Он послушался.
Фараон Та-Кемета, Живое Сердце Раэна, человек, который мог приказать утопить меня одним словом, сидел на краю ложа и неловко держал больного сына, пока я проверяла дыхание.

Сену кашлял, но не так страшно, как ночью. Приступ не развился. Я смочила ткань, коснулась его губ, убрала мокрые волосы со лба.

Мальчик дрожал.

— Не уходи, — прошептал он.

Сат-Исет подалась ближе.

— Я здесь, свет мой.

Но Сену не смотрел на неё.

Он смотрел на меня.

Я замерла.

— Не уходи, — повторил он слабее.

Грудь сжалась так, что стало больно.

Я знала, что нельзя. Нельзя привязываться. Нельзя позволять себе думать о нём как о своём пациенте — нет, уже не только пациенте. В этом мире любовь к ребёнку фараона могла стать обвинением не хуже яда.

Но я всё равно протянула руку.

Медленно. Так, чтобы он мог отвернуться.

Сену сам схватил мои пальцы.

Горячая ладонь. Слабый хват. Доверие на один вдох.

И рядом — Раэм, который видел всё.

Я подняла глаза.

На его лице не было благодарности. Не было прощения. Не было мягкости.

Но прежней уверенности тоже не было.

Он смотрел на руку сына в моей руке так, будто видел невозможное.

Через несколько минут Сену снова уснул. Уже спокойнее. Его пальцы постепенно разжались, но я ещё немного сидела рядом, не решаясь убрать руку.

Раэм поднялся первым.

— Я приду утром, — сказал он.

Не мне.

Сыну.

Сену спал и не ответил.

У двери Раэм остановился.

— Неферет-Айя.

Я повернулась.

— Если это игра...

— Это не игра.

— Я узнаю.

— Узнайте.

Он посмотрел на меня долго, тяжело. Потом вышел.

Кахем проводил его взглядом, потом снова занял место у двери. Сат-Исет укрыла Сену тонким одеялом. Меру тихо собрала влажные ткани.

Я осталась у ложа.

В комнате стало спокойнее.

И именно поэтому я заметила чашу.

Она стояла на низком столике рядом с постелью. Простая медная чаша с водой, которую Меру принесла час назад. Вода должна была быть прозрачной.

Теперь она темнела.

Медленно.

От центра к краям расплзался мутный серый цвет, будто кто-то капнул в неё чернилами. Но к чаше никто не подходил.

Я наклонилась ближе.
На поверхности дрожало отражение лампы.
А под ним, на одно короткое мгновение, мне показалось другое лицо.
Мальчик.
Не Сену.
Старше.
И губы, которые беззвучно произнесли имя, которого я ещё не знала.
Вода снова стала неподвижной.
Но прозрачной уже не была.

Глава 8. Дом Лотоса

Утром вода в чаше снова была прозрачной.

Я проверила её первой.

Сену ещё спал, свернувшись на боку. Лоб у него оставался горячим, но дыхание стало спокойнее. Сат-Исет сидела рядом, уронив голову на грудь, и наконец-то дремала. Меру тихо меняла влажные ткани у изголовья.

Чаша стояла на том же месте.

Чистая.

Будто ночью мне всё привиделось.

Но я знала: не привиделось. Слишком много в этом мире пытались выдать за сон, болезнь, бред или женскую истерику. Я уже начала понимать главное правило дворца: если что-то исчезло к утру, значит, ночью кто-то очень старался.

Раэм не пришёл.

Хотя обещал сыну.

Пришёл Кахем.

— Тебе разрешено забрать вещи из прежних покоев.

Я подняла голову.

— Кем разрешено?

— Фараоном.

— А зачем?

— Ты просила знать, что было с царевичами. Возможно, среди твоих вещей есть записи.

— Моих?

Кахем посмотрел на меня без всякого выражения.

— Неферет-Айи.

Чужое имя уже не било так остро, как в первый день. Но всё равно каждый раз будто кто-то трогал синяк.

Я осторожно высвободила край ткани из рук Сену. Мальчик во сне недовольно нахмурился, но не проснулся.

— Я пойду с Меру.

— Пойдёшь со мной. Меру может идти позади.

— Как великодушно.

— Не испытывай моё великодушие.

Меру опустила глаза, но я заметила: её плечи напряглись. Дом Лотоса пугал её сильнее Дома Наследников.

Значит, там было хуже.

Мы вышли после короткого распоряжения Хепу-Сехмету, который встретил моё желание уйти так, будто я собралась бросить ребёнка на алтаре.

— Я вернусь, — сказала я. — Если будет жар выше, зовите сразу. Если дыхание изменится — сразу. Если снова потемнеет вода...

Я осеклась.

Хепу прищурился.

— Что с водой?

— Ничего.

Кахем это услышал. Конечно, услышал. Но при всех спрашивать не стал.

Мы шли молча.

Дворец Золотого Солнца днём казался ещё ярче. Белые стены резали глаза. Золото на колоннах горело так, будто его только что достали из огня. Под ногами холодный камень, вокруг — запах масла, пыли, цветов и человеческого страха.

Чем ближе мы подходили к Дому Лотоса, тем меньше становилось воинов и тем больше — женщин.

Они появлялись в проёмах, за занавесями, у бассейнов. Шёлк, лён, браслеты, тонкие пальцы, подведённые глаза. Сначала казалось, будто это место мягче остального дворца.

Только казалось.

Здесь оружие носили не на поясе.

Здесь им улыбались.

— Не отставай, — тихо сказала я Меру.

Она вздрогнула.

— Я рядом, госпожа.

— Ты боишься?

— Да.

Честно. Без красоты.

— Меня?

Меру на секунду подняла глаза.

— Уже не только вас.

Перед входом в Дом Лотоса нас встретила женщина лет сорока с лишним. Сухая, прямая, с гладко убранными волосами и лицом, на котором вежливость была натянута тонко, как плёнка на молоке.

— Младшая жена, — сказала она и склонилась ровно настолько, насколько требовали правила. Не больше. — Дом Лотоса помнит ваше возвращение.

— Приятно, когда кто-то помнит за меня, — ответила я.

Кажем едва заметно повернул голову.

Женщина улыбнулась.

— Я Тенера. Старшая служанка Дома Лотоса. Ваши прежние покои подготовлены.

Меру за моей спиной стала совсем тихой.

Тенера повела нас внутрь.

Дом Лотоса был красив до удушья.

Тонкие занавеси колыхались от ветра. Вода в маленьких бассейнах отражала потолки, расписанные цветами. На столиках стояли чаши с гранатами, инжиром и лепестками. Служанки двигались бесшумно. Где-то играла тихая музыка.

И всё это смотрело.

Каждая женщина. Каждая служанка. Даже девочка у стены, которая держала поднос с маслами, посмотрела на меня так, будто увидела ожившую болезнь.

— Слухи говорят, вы теперь лечите царевича, — сказала Тенера, не оборачиваясь.

— Слухи сегодня почти точны.

— Редкая милость богов.

— Или людей, которые наконец открыли окна.

Она мягко рассмеялась.

— Да. Мне передавали, что вы стали... практичнее.

Мы прошли мимо небольшой группы женщин у бассейна. Одна из них закрыла нос краем ткани. Другая произнесла достаточно тихо, чтобы формально не быть услышанной:

— Вода ждёт даже тех, кто умеет лечить.

Я остановилась.

Кажем тоже.

Женщина побледнела, но подбородок не опустила.

Раньше Неферет-Айя, наверное, наказала бы её. Или улыбнулась так, что эту женщину потом долго не приглашали бы к общим купальням. Или сказала бы что-нибудь красивое и жестокое.

Я устала от жестокости.

— Да, — сказала я. — Ждёт. Поэтому я спешу.

И пошла дальше.

За спиной стало тихо.

Тенера впервые посмотрела на меня с настоящим интересом.

— Вы изменились, госпожа.

— Мне часто это говорят.

— Не все изменения к лучшему.

— Но некоторые помогают выжить.

Её улыбка стала тоньше.

Мои прежние покои оказались не камерой, а маленьким дворцом внутри дворца. Бассейн с тёмной водой. Низкое широкое ложе. Расписной потолок. Полки для масел. Зеркала из меди. Сундуки. Пустые места на стенах, где раньше, видимо, висели украшения или ткани.

Слишком красиво.

Слишком холодно.

Я вошла и сразу почувствовала: тело знает это место.

В груди поднялось чужое напряжение. Не страх. Скорее ожидание удара. Вот здесь она стояла. Вот здесь смотрела в зеркало. Вот у этого бассейна, кажется, плакала — но так тихо, чтобы никто не услышал.

Я сжала пальцы.

Меру подошла ближе.

— Вам плохо?

— Нет.

Тенера открыла один сундук.

— После приговора большая часть вещей младшей жены изъята по храмовой описи. Украшения, письма, личные амулеты, ткани с родовыми знаками, печати.

— Кем изъята?

— По приказу.

— Чьему?

Тенера посмотрела на Кахема.

— В Доме Лотоса приказы имеют много голосов, госпожа.

— Удобно. Никто не виноват.

— Вина — слово для суда. Здесь мы говорим о порядке.

Я подошла к сундуку.

Внутри лежали несколько простых платьев, старый гребень, пустая шкатулка, кусок тёмной ткани и маленький сосуд с засохшим маслом. Ничего важного.

Слишком ничего.

— Это всё?

— Всё, что разрешено вернуть.

— А что не разрешено?

— То, что может повредить Маат.

Я обернулась.

— Гребень не повредит Маат?

— Зависит от того, в чьих руках.

Кахем сделал шаг.

— Тенера.

В его голосе не было угрозы. Только напоминание, что он стоит здесь не как украшение. Старшая служанка склонила голову.

— Разумеется.

Я осмотрела комнату медленно. Ложу. Ножки стола. Край бассейна. Раму зеркала. Если Неферет-Айя оставляла подсказки в покоях под стражей, в прежних покоях их должно быть больше.

Или здесь уже всё вычистили.

— Меру, помоги мне сложить ткани.

Это было не просьбой о тканях.

Она поняла.

Пока Тенера говорила с Кахемом у двери, Меру наклонилась к сундуку. Я взяла гребень, сделала вид, что рассматриваю его, а сама провела пальцами по внутренней стороне крышки.

Гладко.

По дну.

Пусто.

По боковой стенке.

Ничего.

Меру тем временем разворачивала тёмную ткань. Вдруг её руки замерли.

— Что? — прошептала я.

Она быстро опустила взгляд.

— Ничего, госпожа.

Ложь.

Я взяла ткань у неё.

На первый взгляд — обычный старый платок. Чёрный, тонкий, с выцветшей красной каймой. Не дворцовый. Не из Дома Лотоса.

На одном углу — крошечная вышивка. Песчаный знак. Похожий на завиток ветра.

Тело отозвалось сразу.

Сердце ударило.

Пустыня.

Ночь.

Чьи-то руки заворачивают что-то маленькое в эту ткань.

Плач ребёнка?

Я зажмурилась.

Видение исчезло.

— Оставим, — сказала я.

Тенера тут же повернулась.

— Этот платок не имеет ценности.

— Тогда тем более.

Она улыбнулась.

— Иногда неценное опаснее золота.

— Вы очень любите предупреждать.

— Нет, госпожа. Я люблю, когда предупреждения слышат.

Кахем забрал платок, осмотрел, вернул мне.

— Возьмёшь. Но всё, что найдёшь в нём, покажешь мне.

— Как доверительно.

— Не путай стражу с доверием.

Я сложила платок вместе с простыми платьями.

Снаружи послышался тихий звон. Кто-то уронил украшение или чашу. Потом — приглушённый женский смех.

Тенера не двинулась. Но Меру вздрогнула так сильно, будто услышала крик.
Я посмотрела на неё.

— Что?

Она замотала головой.

— Ничего.

— Меру.

Тенера обернулась к ней.

— Девочка устала. Служанки низкого ранга часто пугаются там, где не нужно.

Меру опустила голову.

И тут я поняла: она боится не просто Дома Лотоса.

Она боится Тенеру.

— Пойдём, — сказала я.

— Уже? — спросила Тенера. — Не хотите осмотреть сад? Бассейн? Здесь столько мест, где прежняя Неферет-Айя любила оставаться одна.

— Если здесь были места, где можно остаться одной, я вам почти завидую.

Улыбка Тенеры не изменилась, но глаза стали холоднее.

Мы вышли из покоев.

На обратном пути женщины смотрели уже иначе. Не просто с ненавистью. С любопытством. Как будто ждали, кого я укушу, а я почему-то прошла мимо.

У выхода из Дома Лотоса Меру вдруг замедлила шаг.

— Госпожа...

Кахем шёл впереди, но достаточно близко, чтобы слышать. Я тоже это понимала.

— Позже, — сказала я.

— Нет. Сейчас.

Её голос дрожал.

Я остановилась у колонны. Кахем обернулся.

Меру смотрела в пол.

— Та служанка... которая сказала, что видела яд у вас в руках.

Я почувствовала, как холод прошёл по спине.

— Что с ней?

Меру сглотнула.

— Её больше нет в Доме Лотоса.

— Перевели?

Девушка подняла глаза.

В них стоял ужас.

— Она исчезла на следующий день после суда.

Кахем резко шагнул ближе.

— Откуда ты это знаешь?

Меру побелела.

Я встала между ними.

— Не давите на неё.

— Я задаю вопрос.

— Она не обвиняемая.

— Во дворце это быстро меняется.

Меру сжала руки.

— Её звали Хати. Она служила у Тенеры. После суда её отправили якобы к прачкам. Но прачки сказали, что она не приходила. На кухне тоже не видели. В спальнях слуг её циновку убрали до рассвета.

— Почему ты молчала? — спросил Кахем.

Меру посмотрела на меня.

— Потому что тех, кто спрашивает о пропавших, потом тоже не находят.

Тишина легла между нами тяжело, как мокрая ткань.

Я оглянулась на Дом Лотоса.

За занавесью стояла Тенера.

Далеко. Почти неподвижно.

Но я знала: она смотрит на нас.

И, возможно, улыбается.

Я прижала к себе свёрток с вещами Неферет-Айи. Внутри лежал чёрный платок с пустынным знаком — первая вещь, которую кто-то не успел или не захотел уничтожить.

А за спиной остался Дом Лотоса.

Место, где женщины носили лён тоньше паутины, улыбки острее ножей и знали, как заставить человека исчезнуть так, будто его никогда не было.

Глава 9. Служанка видит всё

Меру перестала говорить сразу, как мы вернулись.

Не просто замолчала — будто закрылась изнутри.

Она двигалась быстро, почти бесшумно. Разложила ткани, принесла воду, проверила лампу, сложила чёрный платок с пустынным знаком в самый дальний угол сундука. Всё делала правильно. Слишком правильно. Так служат не госпоже — опасности.

Кахем ушёл ненадолго, оставив за дверью двух стражников. Перед уходом он посмотрел на меня, потом на Меру.

— Из покоев не выходить.

— Мы уже поняли, что свобода здесь не входит в лечение, — сказала я.

Он не улыбнулся.

— Особенно для тех, рядом с кем исчезают свидетели.

Меру побледнела.

Кахем ушёл.

Дверь закрылась.

Я дождалась, пока шаги стихнут, и только потом повернулась к Меру.

— Сядь.

Она застыла.

— Госпожа?

— Сядь. Ты сейчас уронишь кувшин.

Она посмотрела на свои руки, будто только заметила, что пальцы дрожат. Кувшин действительно стучал о чашу. Меру поставила его на столик и послушно опустилась на край циновки у стены.

Не на скамью. Не рядом со мной.

У стены.

Я не стала заставлять её пересаживаться.

— Расскажи про Хати.

Меру сжалась.

— Я уже сказала всё.

— Нет.

— Госпожа...

— Меру, послушай. Я не прошу тебя ради любопытства. Сену болен. Иари мёртв. Меня обвиняют в его убийстве. Если Хати исчезла после суда, значит, она могла знать что-то важное.

— Или сказала лишнее.

— Тем более.

Меру обхватила себя руками.

— Вы не понимаете.

Я устало усмехнулась.

— Это самая честная фраза, которую мне здесь говорят.

Она подняла глаза.

— Во дворце можно умереть не потому, что сделал что-то плохое. А потому, что стоял рядом, когда плохое делал кто-то другой.

Я молчала.

Вот это я понимала.

В моём мире тоже умирали не только виноватые. Дети умирали от чужой ошибки, бедности, поздно вызванной скорой, неверного решения, случайности, которая приходила без лица и имени. Но здесь случайности носили золото, печати и синие ленты.

— Хати была твоей подругой?

Меру качнула головой.

— Нет. Она служила выше. У Тенеры. Такие не дружат с такими, как я.

— Но ты знала её.

— Все знали. Она была красивая. И злая. Если ей давали хорошее масло, она оставляла себе. Если ткань была тоньше, меняла на свою. Если кто-то плакал, она смеялась.

— Ты её не любила.

— Нет.

— Тогда почему тебе страшно?

Меру посмотрела на дверь.

— Потому что если исчезают даже злые, значит, добрые исчезнут быстрее.

Я не нашла, что сказать.

За окном вечернее солнце ложилось на камень красноватой полосой. В покоях пахло тёплым льном, водой и лекарственными листьями. Где-то далеко ударили в медный гонг. Наверное, смена стражи или храмовый час.

Я села на пол напротив Меру.

Она испуганно подалась назад.

— Госпожа, вам нельзя...

— Сидеть на полу?

— Так не делают.

— Сегодня сделаем.

Её лицо стало таким растерянным, что я почти улыбнулась. Почти — потому что улыбаться в этот разговор не хотелось.

— Ты сказала, что Хати свидетельствовала против меня.

— Против Неферет-Айи, — тихо поправила Меру и тут же испугалась.

Я кивнула.

— Против Неферет-Айи. Что она сказала?

Меру сглотнула.

— Что видела чашу.

— Какую чашу?

— Закрытую. Маленькую. Золотую. Из покоев младшей жены её несли в Дом Наследников.

— Кто нёс?

— На суде Хати сказала, что видела вас.

— А на самом деле?

Меру молчала.

Я не торопила.

Иногда молчание — это не отказ. Иногда человек просто ищет внутри себя место, где страх меньше, чем правда.

— Я не видела лица, — наконец прошептала она.

— Ты?

Меру зажала губы, будто поняла, что сказала слишком много.

— Ты тоже видела чашу?

Она кивнула. Едва заметно.

У меня по спине прошёл холод.

— Когда?

— В ночь перед смертью Иари. Я несла чистые ткани в Дом Лотоса. Поздно. Тенера сказала, что госпоже Неферет-Айе нужно новое покрывало, потому что старое испачкалось маслом.

— И?

— Я свернула к внутреннему коридору. Там нельзя ходить служанкам низкого ранга, но так быстрее. Я думала, никто не увидит.

— Кто был в коридоре?

Меру смотрела в пол.

— Кто-то шёл из стороны Дома Лотоса к Дому Наследников. В руках была чаша. Закрытая тканью. Я спряталась за колонной.

— Ты видела лицо?

— Нет. Лицо было закрыто накидкой.

— Мужчина? Женщина?

— Я не знаю.

— Меру.

— Правда не знаю! — Она вскинула глаза. — Одежда была как у служанки. Но шаги... шаги были тяжёлые. Не как у Хати. Не как у Тенеры. Не как у женщин Дома Лотоса.

Мужские сандалии.

Я вспомнила будущую детскую улику из нашей логики? Нет, в книге я этого ещё не знала. Но внутри всё равно щёлкнуло.

— Что ещё?

— На руке была синяя лента.

— С золотым глазом?

Меру побледнела.

— Вы знаете?

Я вспомнила сад Ночных Лотосов. Служанку Хенут. Чистую новую ленту. Ожог в форме глаза.

— Видела сегодня.

Меру зажала рот рукой.

— Тогда нельзя говорить.

— Уже говорим.

— Нет, госпожа, вы не понимаете. Синие ленты носят служанки Великой жены. Но не только они. Иногда такие дают тем, кто служит при детях. Иногда — тем, кто идёт с поручением от храма Исет-Нуа. Иногда...

— Очень удобно. Слишком много возможных рук.

Она кивнула.

— Поэтому Хати сказала, что видела вас. Так было безопаснее.

— Для неё не стало.

Меру закрыла глаза.

Тишина растянулась.

Я поднялась, подошла к сундуку и достала чёрный платок. Тот самый, с пустынным знаком. Развернула на столике.

— Ты знаешь, что это?

Меру посмотрела и сразу отвела взгляд.

— Вещь из Красной Земли.

— Неферет-Айя носила его?

— Нет. Она прятала.

— Где?

— Я не знаю.

— Но ты знала, что он есть.
Меру сжала пальцы.
— Однажды я видела его у неё в руках. Она сидела у бассейна в прежних покоях. Ночью.
Думала, что все ушли. Держала ткань вот так...
Меру сложила руки, будто укачивала что-то.
И в комнате стало холоднее.
Не от ветра.
От смысла.
— Ребёнка? — спросила я.
— Нет! — слишком быстро ответила она. — Нет, госпожа. Я ничего такого не видела.
Значит, видела что-то близкое.
Или боялась даже подумать.
Я не стала давить.
Пока.
— После того как Хати исчезла, кто убрал её циновку?
— Тенера.
— Сама?
Меру кивнула.
— На рассвете. Я видела. Она сказала, что Хати перевели. Но вещи не переводят так.
Если служанку переводят, ей дают узел. А у Хати всё вынесли в тростниковой корзине. Будто она умерла.
— Куда вынесли?
— К прачечному двору. Потом я не знаю.
— Кто ещё видел?
Меру горько усмехнулась. Впервые.
— Все. Поэтому никто не видел.
В дверь постучали.
Мы обе вздрогнули.
На этот раз стук был быстрым, нервным.
Я накрыла платок тканью.
— Кто?
— Вода для младшей жены, — сказал незнакомый голос.
Меру побежала к двери, но я поймала её за руку.
— Стой.
Она замерла.
— Я не просила воду.
— Может, Кахем приказал.
— Кахем не стучит как испуганная мышь.
Я подошла к двери.
— Оставь у порога.
Пауза.
Потом тихий шорох.
Шаги удалились.
Я подождала несколько мгновений и открыла дверь.
У порога стояла не чаша.
На полу лежала птица.
Маленькая, серая, с тёмным пятном на груди. Мёртвая. Крылья аккуратно сложены, будто её подготовили к погребению. Клюв был перевязан тонкой синей нитью.
Меру вскрикнула и отшатнулась.

У стражников у двери лица стали каменными. Один тут же шагнул в коридор, второй поднял копьё.

— Кто принёс? — спросила я.

— Никого не было, госпожа, — сказал стражник. — Мы только на миг...

Он замолчал.

На миг.

Во дворце “на миг” хватало, чтобы исчезла служанка, замазали подсказку на ложе и подбросили мёртвую птицу под дверь.

Я опустила на корточки.

Птица была ещё мягкой. Значит, убили недавно. Нить на клюве завязали маленьким ровным узлом. Не грубая работа. Аккуратная. Почти ласковая.

Меру дрожала у стены.

— Что это значит?

Она не отвечала.

Я подняла на неё глаза.

— Меру.

— Молчи, — прошептала она. — Так говорят: молчи.

Я посмотрела на перевязанный клюв.

Синяя нить.

Не лента. Нить.

Но цвет тот же.

В груди поднялось злое, ясное чувство. Не страх — он уже был. Что-то другое. Тот холодный врачебный гнев, который приходил, когда взрослые мешали спасти ребёнка из-за своей глупости, гордости или трусости.

— Кахема сюда, — сказала я стражнику.

Он сорвался с места.

Меру метнулась к птице.

— Не трогайте! Это надо убрать. Если кто-то увидит...

— Пусть увидят.

— Госпожа, нельзя. Если решат, что это ваше...

— Моё что? Колдовство? Признание? Завтрак?

Она почти плакала.

— Вы смеётесь, а это смерть.

— Я не смеюсь.

Я подняла птицу за кончик синей нити и положила на чистую ткань. Руки были спокойными. Удивительно спокойными.

— Это доказательство.

— Это предупреждение.

— Одно другому не мешает.

Кахем пришёл быстро.

Увидел птицу, синюю нить, моё лицо, Меру у стены. Его взгляд стал тяжёлым.

— Кто входил?

— Никто, — ответил стражник, и в его голосе уже был страх. — Мы стояли у двери.

— Значит, плохо стояли.

Стражник побледнел.

— Не сейчас, — сказала я.

Кахем посмотрел на меня.

— Не тебе решать.

— Сейчас важнее понять, кто может подходить к моим дверям так, что стража его не видит.

— Или кого стража привыкла не видеть, — добавил Кахем.

Мы оба посмотрели на Меру.

Она съёжилась.

— Слуги, — прошептала я.

Кахем кивнул.

— Слуги. Жрецы. Люди с печатью. Старшие женщины Дома Лотоса.

— Тенера.

— Возможно.

— Синяя нить.

— Вижу.

— Чаша с синей лентой в ночь смерти Иари.

Меру резко подняла голову.

Кахем медленно повернулся к ней.

— Она тебе рассказала?

Я встала между ними.

— Она рассказала мне. И останется живой.

— Это не обещание, которое ты можешь дать.

— Тогда дайте вы.

Кахем молчал.

Меру смотрела на него так, будто от его ответа зависело всё.

Наверное, так и было.

Наконец он сказал:

— Пока она под защитой стражи.

— Пока? — спросила я.

— Во дворце всё “пока”.

Это было честно. И страшно.

Птицу забрали, чтобы “проверить”, хотя я уже понимала: проверять здесь будут не перья и не кровь, а то, кто осмелится признать смысл.

До вечера Меру не отходила от меня ни на шаг.

Она молчала. Делала всё быстро, послушно, почти механически. Два раза пролила воду. Один раз перепутала ткань для моих рук с тканью для стола и так испугалась, будто за это её могли высечь.

— Меру, — сказала я ближе к ночи. — Ты не виновата.

Она посмотрела на меня пустыми глазами.

— Во дворце это не важно.

После заката меня позвали к Сену.

У него снова поднялся жар. Без сильного приступа, но он метался во сне, шептал что-то о воде и о лодке под полом. Я провела у него несколько часов. Хепу ворчал, Сат-Исет молилась тихо, Кахем стоял у двери и не спускал глаз с каждого, кто входил.

Когда я вернулась в покои, лампа почти догорела.

— Меру? — позвала я.

Ответа не было.

Я решила, что она уснула у стены.

Но циновка была пуста.

Кувшин стоял перевёрнутым. Вода растеклась по каменному полу тонкой тёмной лужей.

На ткани возле сундука лежала синяя нить.

Такая же, как на клюве мёртвой птицы.

Я медленно подняла её.
В коридоре за дверью стояли двое стражников.
Оба клялись, что Меру не выходила.

Глава 10. Кормилица

Меру не нашли.

Сначала я не поверила.

Стояла посреди комнаты с синей нитью в руках и смотрела на Кахема, ожидая, что сейчас он скажет что-нибудь другое. Что служанку увели к Тенере. Что она испугалась и спряталась. Что её нашли у кухни, у прачек, у бассейна, в любом месте этого проклятого дворца, где люди исчезали тише, чем гасли лампы.

Но Кахем сказал:

— Её нет.

Так просто.

Так сухо.

Будто речь шла не о живой девочке, которая ещё утром дрожащими руками перевязывала мне запястья.

— Как это — нет?

— Так, что её не видели ни у ворот, ни у Дома Лотоса, ни у кухни. У прачек её тоже нет.

— Значит, ищите лучше.

Кахем посмотрел на меня устало. Впервые за эти дни я заметила, что и он не железный. Просто умел держаться так, будто железо.

— Ищут.

— Кто?

— Стража.

— Та самая, которая стояла у моей двери и не заметила, как она исчезла?

Один из стражников у стены побледнел.

Кахем даже не повернулся к нему.

— Осторожнее.

— Нет. Не сейчас. — Я сжала синюю нить так, что она врезалась в пальцы. — Её забрали из закрытых покоев. Под охраной. После того как она рассказала мне о чаше и синей ленте. Это не совпадение.

— Во дворце совпадений мало, — сказал он.

— Тогда почему я всё ещё здесь, а не ищу её?

— Потому что ты под стражей.

— Она может быть ранена.

— Может.

— Её могут убить.

— Могут.

Эта честность была хуже равнодушия.

Я шагнула к нему.

— И вы просто будете стоять?

— Я буду делать то, что могу. А ты — то, что должна.

— Я должна найти Меру.

— Ты должна сохранить царевича живым.

Я открыла рот — и не смогла ответить.

Потому что он был прав.

И именно поэтому мне захотелось ударить его.

За стеной начинался рассвет. Свет пробивался в решётку окна бледными полосами. На полу всё ещё темнела лужица от перевернутого кувшина. Синяя нить лежала теперь на столике, как маленькая змея.

— Если с ней что-то случится, — сказала я тихо, — это будет на вас.

Кахем чуть прищурился.

— Нет. На тех, кто её забрал.

— Удобно.

— Правда редко удобна.

Он подошёл к двери.

— Царевич проснулся. Тебя ждут в Доме Наследников.

— Я никуда не пойду, пока...

— Пойдёшь, — перебил он. — Потому что мальчик не виноват в том, что дворец гнилой.

Я ненавидела его в эту секунду.

И всё равно пошла.

Коридоры после бессонной ночи казались длиннее. Стража сменялась молча. Слуги несли воду, ткани, корзины с хлебом, но стоило мне появиться, все взгляды падали в пол. Я искала среди них маленькую фигуру Меру, её быстрые руки, испуганные глаза.

Ничего.

Только чужие лица.

Только молчание.

У входа в Дом Наследников пахло горькими травами и молоком. Сену сидел на подушках, укутанный в тонкое покрывало. Щёки горели, глаза были мутные, но он был в сознании. Рядом с ним — Сат-Исет.

Кормилица поднялась при моём появлении.

Не поклонилась.

Просто встала между мной и ребёнком.

— Ему хуже? — спросила я.

— Ему стало хуже после ваших вопросов.

Я остановилась.

— Моих?

— После того как вы начали тревожить мёртвых, исчезла девочка. После того как вы заговорили о чашах, стража обшаривает Дом Лотоса. После того как вы коснулись царевича, он зовёт вас во сне.

— Это обвинение?

— Это страх.

Она сказала это прямо. Без дворцовой красоты. И оттого я не смогла сразу злиться.

Сат-Исет была не похожа на женщин Дома Лотоса. Крепкая, усталая, с мягкими руками и тёмными кругами под глазами. На шее у неё висели маленькие амулеты богини-матери. Волосы были убраны просто, без украшений. Она смотрела на меня так, как смотрят на нож у детской кровати: может спасти, может убить.

— Я не забирала Меру, — сказала я.

— Я знаю.

— Тогда почему...

— Потому что вы пришли, и вокруг детей снова началась смерть.

Сену тихо закашлялся.

Мы обе мгновенно повернулись к нему.

Разговор закончился.

Я подошла к ложу, но Сат-Исет не отошла.

— Мне нужно его осмотреть.

— Он боится вас.
— Я тоже много чего боюсь.
— Вы не пятилетний мальчик.
— Именно поэтому могу помочь.
Она сжала губы, но отступила на полшага.
Сену смотрел на меня из-под ресниц.
— Ты ушла, — прошептал он.
В груди кольнуло.
— Я вернулась.
— Меру тоже ушла?
Сат-Исет резко посмотрела на меня.
Я присела у ложа так, чтобы быть с ним на одном уровне.
— Мы её ищем.
— Её забрала вода?
— Нет.
— Откуда ты знаешь?
Я не знала.
Но детям нельзя отдавать взрослый ужас без остатка.
— Потому что она умная. И быстрая. И я очень хочу на неё поругаться, когда она найдётся.
Сену подумал.
— Она боится Тенеру.
Сат-Исет побледнела.
Я очень медленно повернула голову к ней.
— Что?
— Он бредит, — быстро сказала кормилица.
— Нет, — прошептал Сену. — Меру боится Тенеру. Все боятся.
Сат-Исет прижала пальцы к губам мальчика.
— Тише, свет мой. Не говори лишнего.
Я убрала её руку мягко, но твёрдо.
— Пусть говорит.
— Нет, — сказала она уже мне. — Не вам решать, сколько слов он переживёт.
— Слова не убивают.
Сат-Исет посмотрела на меня так, будто я сказала величайшую глупость.
— Во дворце? Убивают.
На это мне нечего было возразить.
Я проверила Сену: лоб, пульс, пальцы. Жар сильнее, чем ночью. Кожа горячая, но кисти снова холодные. Дыхание пока ровное, но слишком частое. Под глазами тени стали глубже.
— Что ему дали утром?
Сат-Исет потянулась к чаше.
— Слабый отвар Хепу. Немного молока с мёдом.
Я понюхала отвар. Горький, травяной, тяжёлый.
— Сколько?
— Три глотка. Больше он не смог.
— Хорошо. Больше пока не давайте.
— Хепу велел каждые два часа.
— Хепу сейчас здесь нет.
— А вы здесь пока фараон позволяет.
Удар был точный.

Я подняла глаза.

— Если хотите меня ранить, делайте это позже. Сейчас мне нужно понять, почему его жар идёт волнами.

Сат-Исет молчала.

Сену тихо шевельнулся.

— Не хочу горькое.

— Не будешь, — сказала я. — Пока не решим, что оно правда нужно.

— Хепу сердится.

— Хепу часто сердится. Это не диагноз.

Мальчик чуть-чуть улыбнулся.

Едва заметно.

Сат-Исет увидела — и её лицо дрогнуло. Совсем немного. Враждебность не ушла, но в ней появилась трещина.

Я смочила ткань и осторожно протёрла Сену виски.

— Когда у Иари начались приступы? — спросила я негромко.

Сат-Исет сразу напряглась.

— Не спрашивайте при нём.

— Он спит?

— Он слышит.

Сену закрыл глаза, но я не была уверена, что он спит.

— Тогда выйдем.

— Я не оставлю его.

— Я тоже.

Она колебалась. Потом наклонилась к Сену, поправила покрывало и сказала:

— Я у двери. Один вдох — и я рядом.

Мальчик не ответил.

Мы отошли к дальнему окну. Так, чтобы видеть ложе.

Сат-Исет встала ко мне боком, будто даже разговор со мной был нарушением.

— Вы не имели права просить о таких вопросах.

— У меня вообще мало прав.

— У вас есть семь дней. Это больше, чем дали многим.

— Мне уже сказали.

— Значит, слушайте. Иари не был слабым. Он был тонкий, серьёзный, но не слабый.

Сначала он просто плохо спал. Потом начал просыпаться от того, что слышал воду.

— Воду?

— Говорил, что под полом плывёт ладья. Что кто-то стучит веслом.

Я вспомнила слова Сену: “его зовут под пол”.

— Дальше?

Сат-Исет смотрела на ложе, но, кажется, видела другого ребёнка.

— Потом жар. Не каждый день. Волнами. Руки холодные, лоб горит. Хепу говорил — царская лихорадка. Жрецы говорили — тень дурного взгляда. Великая жена велела усилить охрану.

— А Неферет-Айя?

Кормилица посмотрела на меня.

— Вы.

— Да. Я.

— Вас тогда не подпускали к Дому Наследников.

— Но Иари приходил в мои покои.

Она резко отвернулась.

— Кто вам сказал?

— Меру.

— Глупая девочка.

— Значит, правда.

Сат-Исет закрыла глаза.

— Один раз я видела. Он вернулся с вашей стороны. Держал лодочку. Я спросила, где он был. Он сказал: “Там, где не боятся имени”. Я решила, что это детская игра.

— Почему не сказали?

— Кому? — Она почти усмехнулась. — Великой жене? Фараону? Храму? “Простите, царевич ходил к женщине, которую Дом Лотоса ненавидит, и говорил странности про имя”? Меня бы выслали в тот же день. Или хуже.

Я молчала.

Она была права.

В этом дворце правда без защиты становилась петлёй.

— Перед смертью он что-то говорил? — спросила я.

Сат-Исет побледнела.

— Нет.

Ложь.

— Сат-Исет.

— Нет.

— Он говорил имя?

Её лицо изменилось.

Не сильно. Но я увидела.

— Какое имя?

— Не знаю.

— Знаете.

Она резко шагнула ко мне ближе.

— Вы хотите, чтобы умер ещё один свидетель? Сначала девочка, теперь я?

— Я хочу, чтобы Сену жил.

— Все так говорят.

— А я ещё и делаю.

Она подняла руку, будто хотела ударить меня. Не как служанка госпожу. Как мать — того, кто лезет к ребёнку.

Но удар не случился.

Её рука опустилась.

— Я ненавижу ваше лицо, — сказала она тихо.

— Знаю.

— Когда Сену тянется к вам, я хочу оторвать ваши руки.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. Я кормила этого мальчика, когда его мать не могла. Я знаю, как он дышит во сне. Я знаю, когда ему страшно по движению пальцев. Я знаю, что он врёт, когда говорит, что не больно. А теперь он зовёт вас. Вас.

Она почти выплюнула последнее слово.

Я выдержала её взгляд.

— Тогда помогите мне сделать так, чтобы он продолжил дышать.

Её глаза наполнились слезами, но она не дала им упасть.

Долго молчала.

Потом сказала:

— Перед смертью Иари позвал не мать. Не отца. Не Сену.

Я ждала.

— Он смотрел в угол комнаты. Туда, где никого не было. И сказал: “Менхот пришёл за мной”.

Имя прозвучало тихо.

Но в комнате что-то изменилось.

Я почувствовала это кожей.

Будто лампа на мгновение потемнела.

— Менхот, — повторила я.

Сат-Исет схватила меня за руку.

— Не повторяйте!

Сену на ложе вдруг зашевелился.

Мы обе обернулись.

Мальчик лежал с закрытыми глазами, но губы его двигались.

— Мен... — прошептал он. — Хот...

Сат-Исет всхлипнула и бросилась к нему.

Я осталась у окна.

Имя отозвалось где-то глубоко в стенах, под камнем, под полом. Может, это было воображение. Может, страх. Может, магия, в которую я ещё вчера не верила.

Но я уже знала одно.

Такого имени во дворце не должно было быть.

И именно поэтому мёртвый мальчик произнёс его перед смертью.

Глава 11. Тень возле колыбели

Имя Менхот запретили произносить.

Не официально. Без приказа, печати и жреческого голоса.

Просто после того, как Сену прошептал его во сне, все в комнате сделали вид, что ничего не случилось.

Сат-Исет тут же прижала ладонь к губам мальчика, будто могла удержать имя внутри. Хепу-Сехмет, которого позвали из соседних покоев, вошёл уже злой, но, услышав рассказ, стал не злым — серым.

Кахем велел закрыть двери.

А мне сказал:

— Ни слова об этом за пределами комнаты.

— Значит, имя всё-таки что-то значит.

— Я сказал: ни слова.

— А я слышала: вы тоже боитесь.

Он посмотрел на меня так, что Меру, будь она здесь, наверняка спряталась бы за занавесь. Но Меру не было.

И от этого в комнате стало ещё пустее.

Сену спал тревожно. Жар то поднимался, то отступал. Иногда он вскидывал руку, будто отталкивал кого-то от лица. Иногда шептал что-то так тихо, что я не могла разобрать. Несколько раз мне казалось, что он зовёт Иари.

Но имя Менхот больше не произнёс.

Сат-Исет не отходила от него ни на шаг. После нашего разговора она смотрела на меня иначе. Не мягче. Нет. Но в её ненависти появилась усталость. Такая бывает у людей, которые слишком долго держали дверь закрытой, а теперь поняли: за ней не пустота, а пожар.

— Он раньше говорил о тени? — спросила я ближе к вечеру.

Она сидела у ложа и перебирала маленькие амулеты на шнурке.

— Все дети боятся теней.

— Не все говорят, что их брат слышал зов под полом.

Её пальцы замерли.

— Вы обещали не произносить при нём.

— Он спит.

— Дети слышат и во сне.

Я посмотрела на Сену. Лицо бледное, губы сухие, ресницы дрожат. В обычном мире я бы сказала: высокая температура, слабость, ночные страхи после смерти брата. Психика ребёнка пытается объяснить горе. Тень — образ. Менхот — слово, случайно услышанное от взрослых.

Только вода уже темнела ночью.

И царапины Неферет-Айи исчезли к утру.

И тело Иари, если верить всем обрывкам, умерло не так, как должен был умереть отравленный ребёнок.

— Когда он впервые сказал про тень? — спросила я.

Сат-Исет подняла на меня глаза.

— На второй день после похорон.

— Что именно?

Она сжала амулет.

— Что его тень не хочет ложиться с ним спать.

Я невольно посмотрела на пол.

От лампы у ложа тень Сену падала мягким тёмным пятном на камень. Обычная. Неподвижная.

Я выдохнула.

Слишком рано.

Сат-Исет продолжила тише:

— Потом сказал, что у Иари тоже сначала была плохая тень. Я решила, он повторяет чужие страшилки.

— Кто мог ему рассказывать?

— Все. Никто. Во дворце дети слышат больше, чем думают взрослые.

Это я уже поняла.

Хепу-Сехмет стоял у стола и растирал сухие листья в маленькой чаше. Сегодня он не спорил из-за дыма. Даже сам велел оставить окна приоткрытыми. Маленькая победа, которая почему-то не радовала.

— Тени бывают при лихорадке, — сказала я больше себе, чем им. — Бред. Страх. Потеря сна. Он потерял брата. Его все пугают. Это может быть обычная реакция.

Хепу не поднял головы.

— Обычная?

— Да.

— У обычного ребёнка — возможно.

Я повернулась к нему.

— А у царского?

Он растирал листья медленно, с хрустом.

— У царской крови тень привязана к Ка сильнее. Если Ка тревожат, тень первая показывает, что путь нарушен.

— Говорите проще.

Он посмотрел на меня почти с раздражённым удивлением.

— Проще? Если жизненную силу ребёнка кто-то зовёт не туда, тень может слышать раньше тела.

У меня похолодели пальцы.

— Зовёт не туда — это куда?

— К мёртвым.

Сат-Исет закрыла глаза.

Я подошла к окну.

За стенами Дома Наследников уже сгущалась ночь. На дворе зажигали лампы. Свет дрожал на белом камне, вытягивая тени колонн длинными чёрными полосами.

Рациональная часть меня всё ещё сопротивлялась.

Нет.

Так нельзя.

Болезнь должна иметь причину. Токсин. Инфекция. Спазм. Лихорадка. Что угодно, что можно понять, наблюдать, лечить.

Но этот мир не спрашивал, во что я верю.

Он просто показывал.

Сену вдруг тихо застонал.

Мы все обернулись.

Мальчик лежал с открытыми глазами и смотрел в угол комнаты.

Не на нас.

В угол.

Туда, где стояла низкая деревянная колыбель для дневного отдыха — уже пустая, слишком маленькая для него, но, видимо, оставленная с младенчества. Над ней висел вымытый утром амулет. Пыль с него сняли, как я и требовала.

Амулет качался.

Едва-едва.

Хотя ветра не было.

— Сену? — Сат-Исет подалась к нему. — Свет мой?

Он не ответил.

Глаза у него стали огромными.

— Он там, — прошептал мальчик.

Хепу медленно положил пестик на стол.

— Кто?

Сену зажмурился.

— Без лица.

У меня внутри всё сжалось.

Я подошла к ложу и села рядом, не касаясь его.

— Сену, посмотри на меня.

Он мотнул головой.

— Не хочу. Он смотрит.

— Кто смотрит?

— Мальчик.

Сат-Исет тихо зашептала молитву Исет-Нуа. Кахем у двери положил руку на меч.

Я заставила себя не оборачиваться сразу.

Дети с температурой видят страшное. Я знала. Знала. У них стены плывут, лица меняются, тени становятся зверями. Мозг, перегретый жаром, рисует чудовищ. Это можно объяснить.

Можно.

Я медленно повернула голову.

В углу никого не было.

Только колыбель. Амулет. Стена с росписью. Лампа у стола.

И тень.

Тень от колыбели должна была падать вправо. Лампа стояла слева, свет бил под углом, всё просто.

Но тень лежала иначе.

Она тянулась к ложу Сену.

Узкая, длинная, слишком тёмная. Как будто не колыбель отбрасывала её на пол, а кто-то невидимый стоял между нами и светом.

Я поднялась.

— Лампу сюда.

Хепу посмотрел на меня.

— Не трогай свет.

— Лампу. Сюда.

Кахем сам взял лампу со стола и поднёс ближе. Свет изменился. Тени должны были сдвинуться.

Все сдвинулись.

Кроме той.

Она осталась на месте.

Сат-Исет всхлипнула.

Я почувствовала, как кожа на руках покрылась мурашками.

— Это фокус, — сказала я. Слишком быстро. Слишком громко. — Что-то отражается. Вода. Полировка камня. Может, роспись.

Хепу прошептал:

— Нет.

— Я не вас спрашиваю.

— А я не тебе отвечаю.

Он смотрел на тень так, будто увидел старого врага.

Сену начал дрожать.

— Он зовёт.

Я резко вернулась к нему.

— Кто?

— Мальчик без лица. Он говорит, что Иари уже пришёл. Теперь я должен.

— Куда?

Сену всхлипнул.

— Под пол. Там вода. Там лодка.

Сат-Исет бросилась к нему, обняла, закрыла от угла своим телом.

— Не слушай, свет мой. Не слушай. Ты здесь. Ты со мной.

— Он говорит, что я второй, — прошептал Сену.

Второй.

Второй сын.

Второй наследник.

Второй ребёнок, которого кто-то звал к мёртвым.

Кахем выругался сквозь зубы.

— Хепу?

Старый врач уже доставал из-за пояса маленький мешочек с красным порошком.

— Нет дыма, — сказала я автоматически.

— Это не дым. Соль Сехметары.

Он посыпал порошком тонкую линию между ложем Сену и углом. Красные крупинки упали на камень. На миг ничего не произошло.

Потом тень дрогнула.

Не исчезла.

Дрогнула, будто живая.

Я отступила на шаг и сама не заметила, как взяла Сену за руку.

Пальцы у него были ледяные.

— Жар усиливается, — сказала я. Голос вернулся ко мне через усилие. — Мне нужна вода. Тёплая ткань. И уберите колыбель из комнаты.

Сат-Исет подняла голову.

— Нельзя. Это его младенческая колыбель. Она защищает.

— Сейчас она его пугает.

— Она освящена.

— Прекрасно. Пусть защищает из соседней комнаты.

Кахем кивнул двум стражникам.

Они вошли, но у колыбели замедлились. Даже воинам не хотелось трогать то, от чего тень лежала неправильно.

— Быстро, — сказал Кахем.

Колыбель подняли.

Тень не двинулась.

Солдаты вынесли колыбель за дверь, но тёмная полоса на полу осталась ещё несколько секунд. Потом медленно истончилась и исчезла, будто впиталась в камень.

Никто не говорил.

Сену плакал без звука.

Я вытерла ему лицо влажной тканью, потом проверила дыхание. Частое. Но ровное. Пока ровное.

— Он не умирает сейчас, — сказала я, сама не зная, кому. — Это важно. Слышите? Сейчас он здесь.

Сат-Исет кивнула, но её губы двигались в молитве.

Хепу опустился на низкий стул. Впервые за всё время он выглядел старым.

— Это было у Иари? — спросила я.

Он не ответил.

— Хепу.

— Я не видел.

— Но слышал?

Он сжал мешочек с солью.

— Наставник говорил, что наследник жаловался на тень. Я решил, что это детский страх.

— А теперь?

Он посмотрел на Сену.

— Теперь я думаю, что мы лечили не всё.

Для него это, наверное, было почти признанием.

Я села рядом с мальчиком и не выпускала его руку, пока дрожь не стала слабее.

Сену долго смотрел на меня. Потом прошептал:

— Ты тоже его видела?

Я не могла солгать.

— Я видела тень.

— Значит, я не плохой?

Вопрос ударил под дых.

— Нет, маленький. Ты не плохой.

— Иари тоже не был?

— Нет.

Сену закрыл глаза. По виску скатилась слеза.

— Тогда почему он пришёл за ним?

Сат-Исет тихо застонала.

Я не знала ответа.

Я знала только, что кто-то во дворце строил из детских страхов дорогу к смерти. И если я не пойму, как, Сену пойдёт по ней следом за братом.

Позже, когда мальчик наконец уснул, я вышла в коридор. Ноги держали плохо. Кахем вышел за мной.

— Это всё ещё похоже на обычную болезнь? — спросил он.

Я прислонилась к холодной стене.

— Нет.

Сказать это было страшнее, чем я думала.

Кахем молчал.

— Мне нужны записи об Иари, — сказала я. — Всё. Кто был рядом. Что он говорил. Когда начались приступы. Кто входил в Дом Наследников ночью. И мне нужен человек, который знает имена.

— Опасный запрос.

— У нас опасный ребёнок умирает за стеной.

Он посмотрел на закрытую дверь.

— Я попробую.

— Попробуете?

— Во дворце даже начальник стражи не открывает все двери.

— Тогда найдите того, кто открывает.

Кажем усмехнулся без радости.

— Ты начинаешь понимать.

Из комнаты донёлся слабый звук.

Не крик.

Шёпот.

Я резко вернулась внутрь.

Сену лежал с открытыми глазами и смотрел не на меня — за моё плечо.

Я медленно обернулась.

Угол был пуст.

Но мальчик дрожащим голосом сказал:

— Он снова пришёл.

Я слотнула.

— Кто?

Сену заплакал.

— Тот, кто забрал Иари.

Глава 12. Перо Маат

За мной пришли утром.

Не Кахем.

Женщины в белом.

Три жрицы вошли без стука, как будто дверь, стража и моё право испугаться не имели значения. На них были простые льняные одежды, чистые до режущей белизны. На лбу у каждой — тонкий знак пера.

Меру так и не нашли.

Сену после ночи с тенью спал тревожно, но дышал. Я сидела рядом с ним, считала вдохи и пыталась убедить себя, что четыре спокойных часа — это победа. Маленькая, шаткая, но победа.

Потом появились жрицы.

Сат-Исет сразу встала между ними и ложем.

— Царевич спит.

Старшая из трёх даже не посмотрела на неё.

— Мы пришли не за ребёнком.

Я поднялась.

— За мной?

— Верховная жрица Маат-Ирии ждёт.

У меня неприятно сжался желудок.

Маат.

Здесь этим словом оправдывали всё: суд, молчание, приговор, воду, смерть. Теперь, видимо, дошла очередь до меня.

Кахем появился в дверях почти сразу. Значит, знал.

— Это обязательно? — спросила я.

Он ответил не сразу.

— Если откажешься, скажут, что тебе есть что скрывать.

— А если пойду?

— Скажут то же самое, но позже.

Я усмехнулась.

— Чудесный выбор.

Сену во сне тихо всхлипнул. Я наклонилась к нему, проверила лоб, поправила ткань. Хотелось остаться. Упереться в пол, вцепиться в край ложа и сказать всем этим белым женщинам, что пока ребёнок болен, их богиня подождёт.

Но я уже понимала: в этом мире боги не ждали.

Людей заставляли ждать.

— Если ему станет хуже, зовите меня сразу, — сказала я Сат-Исет.

Кормилица посмотрела на жриц, потом на меня.

— Они не отпустят.

— Тогда кричите громче.

В её глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Очень быстро. Почти незаметно.

Жрицы повели меня в храмовую часть дворца.

Коридоры становились всё светлее. Меньше золота, больше белого камня. Меньше запаха лотоса, больше холодного ладана. На стенах — изображения весов, сердец, глаз и перьев. В нишах горели лампы с ровным неподвижным пламенем.

Здесь было красиво.

И мёртво.

Зал Маат-Ирии оказался круглым. Без окон. Свет падал сверху через отверстие в потолке — узким столбом прямо на каменную плиту в центре. На плите лежало белое перо.

Обычное на вид.

Тонкое. Лёгкое.

Но все смотрели на него так, будт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.